

Юность

Василий Панфилов

Россия, которую мы...

Василий Панфилов

Юность

«Василий Панфилов»

2020

Панфилов В. С.

Юность / В. С. Панфилов — «Василий Панфилов»,
2020 — (Россия, которую мы...)

Приключения продолжаются – в Южной Африке, России и по всему миру. Ввязавшись в войну на стороне буров и вместе с ними выкинув Британию прочь, ГГ возвращается в Российскую Империю, но Отечество встречает его неласково. Егор, спасая свою свободу и жизнь, вынужден бежать в Европу.

Содержание

Пролог	6
Первая глава	11
Вторая глава	16
Третья глава	21
Четвёртая глава	25
Пятая глава	29
Шестая глава	34
Седьмая глава	38
Восьмая глава	42
Девятая глава	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Василий Панфилов

Юность

Василий Сергеевич Панфилов

* * *

Пролог

Шествуя по министерству, Сипягин раскланивался с подчинёнными с важной приветливостью, одаривая редких счастливых едва заметными улыбками, отчего за его спиной тут же начинались завистливые шепотки, а везунчики начинали купаться в ядовитом внимании коллег. Закрыв за собой массивную дверь кабинета, Дмитрий Сергеевич выдохнул, на секунду привалившись к резному дубу спиной и полуприкрыв глаза.

– Министр Внутренних Дел, – прошептал чиновник одними губами, наполняясь государственным пиететом перед собственной высокой должностью. Больше года проработав управляющим министерства, а до того – пять лет товарищем министра Внутренних Дел, он всегда чувствовал лёгкую... Нет, не ущербность, но всё же, всё же... иначе ощущается, совсем иначе.

– Выше только Бог и Государь, – сказал он значимо, отшагнув от двери к массивному письменному столу красного дерева, раскинувшегося на несколько квадратных саженей, и вслушиваясь в слова.

– Нет! – поправил он себя сурово, поджав губы, – Государь и Бог!

Пройдясь по давно знакомому кабинету в новом качестве, Дмитрий Сергеевич встал у окна, и некоторое время глядел бездумно на набережную Фонтанки, видя перед собой – всю Россию! Перед внутренним взором министра разворачивались карты Империи.

Денно и ночью дымят заводские трубы, тянутся по рельсам тяжёлые составы, а в помещичьих экономах на Юге России уже готовятся к посевной. Мудро устроенное предками Государя сословное общество, в котором каждому отведено от века заповеданное место, и так будет всегда!

– Всегда! – прошептал он горячечно, сжав массивный кулак, и отходя наконец от окна, разукрашенного причудливыми морозными узорами.

Устроившись удобно в кресле, чиновник провёл пальцами по лакированной поверхности стола, и наконец подтянул к себе подготовленные помощником папки с разными пометками. Разобравшись с самыми срочными и важными делами, и отдав несколько распоряжений, Дмитрий Сергеевич решил сделать перерыв, нажав кнопку звонка.

– Чаю, голубчик, – велел он явившемуся на зов плешивому служителю, – да покрепче. Ну да ты и сам знаешь...

Глубокий поклон, и служитель исчез, как и не было. Хмыкнув, чиновник крутанул шеей – каждый раз ведь удивляется! Как джинн из восточной сказки, только что клубов дыма не хватает. И понятно ведь, что у потомственного лакея не может не быть профессиональных секретов, да и натаскивают их с самого раннего возраста, но всё едино – шустёр!

Пару минут спустя на столе министра на изящной подставочке встал серебряный поднос с дымящимся самоварчиком, заварочным чайничком с толстой тряпичной бабой для тепла поверх, да усыпанные маком баранки в вазочке. Взмах рукой... и на подносе появилась сахарница с щипчиками, чашка с блюдцем, да розеточка с вареньем из айвы, о котором обмолвился давеча при случайном разговоре с бывшим сослуживцем, зашедшим в министерство по делам. Поклон... и лакея как не бывало.

С удовольствием отхлёбывая ароматный китайский чай, Сипягин взял ложечку айвового варенья, и предвкушающее жмурясь, положил в рот. А потом бараночку! Сломав её в кулаке, министр закинул куски разом в рот, вкусно захрустев. И чайком...

Имея привычку к печатному слову, министр искал глазами газету, но передумал, взяв верхнюю папку из стопки «К ознакомлению». Встречаются порой презанимательные материалы, куда там газетам! Да и подача в таких вот папочках вполне себе поверхностная, рассчитанная именно что на ознакомление. Нужно будет, велит подчинённым провести подробный анализ.

– Так-с... что тут у нас? – шёлковые шнуры, скрепляющие тиснённую кожу, разошлись, и будто огромная тропическая бабочка махнула своими гигантскими крылами, – Буры?

Настроенный вполне благодушно, он начал листать, читая бегло, едва ли не по диагонали, вчитываясь только в особо интересные пассажи, да по давнишней привычке проглядывая сухие цифры в обязательном порядке. Но чем дальше, тем больше испарялось благодушие министра, а на высокий лоб набежали морщинки. Слишком всё...

... неоднозначно.

Подданные Российской Империи воюют в Южной Африке храбро, с выдумкой и огнём, да и представлены они больше все прочих европейских граждан, едва ли даже и не вместе взятых! Храбро воюют, умело, но...

... не те!

Одних только русских почти четыре тысячи, да поляков, лифляндцев, жидов... и нет почти представителей благородного сословия! Если не считать Русскую Миссию Красного Креста, разумеется.

Казалось бы, имена этих немногих должны звучать особенно громко на фоне серой массы вчерашних крестьян, горняков, мелких торговцев и бог весь знает, какого сброда, но нет!

Мелькнул, да и пропал ротмистр Ганецкий, не успев взойти. Яркий, безусловно талантливый человек, но не сложилось. Бывает.

Максимов талантлив и харизматичен, но полностью почти перекрыт фигурой Вильбуа-Марейля. Начальник штаба Европейского легиона, фигура безусловно значимая, но в основном для специалистов. Широкой публике он интересен мало.

Гурко оскандалился, дав массу поводов для злословия, и притом оправданных. Такая блестящая биография, яркая карьера, и так... глупо!

Багратион-Мухранский в прессу попадал не раз, но поводы сплошь анекдотичны! И не то чтобы они не к чести князя, но и уважения его приключения не вызывают. Если поначалу он вызывал уважение древностью рода, то ныне известен разве только пристрастием к черкеске, охотой на обезьян, да всякого рода казусами и нелепицами.

Прочие же... несколько почти безвестных офицеров, воюющих в Европейском Легионе, да двое воюют в бурских коммандо на правах технических специалистов. К непосредственному командованию их не допускают, что решительно... ну ни в какие ворота!

И...

Министр перелистнул назад, хмуро глядя на колонку имён. Русские... и не слишком русские подданные и бывшие подданные, добившиеся успеха в Южной Африке. Некоторые – громкого, с регулярным упоминанием в европейских газетах, некоторые – значительно более скромного. Но...

... не те, неправильные русские.

Свыше двухсот человек стали офицерами, что для пяти тысяч не так уж и много. Но...

Министр хмурился всё больше, понимая глубину проблемы, разом вставшей перед ним... Нет! Перед всем Государством Российским!

– Никто, – прошелестел он побелевшими губами, вчитываясь в сухие строки, – ни один человек из числа Российских подданных, будь то настоящих или бывших, не пошёл под командование русских офицеров. Ах да, Ганецкий...

– Нет, – решительно выдохнул Сипягин, массируя левое подреберье, где внезапно закололо сердце, – Ганецкий не в счёт! С десяток человек, да и те в самом начале боевых действий!

– А потом... – он с ненавистью уставился на бумаги, – Дзержинские и прочее... быдло! Один-единственный дворянин, и тот – марксист, да ещё и поляк! Уж и не знаю, что хуже.

Положив папку на стол, Дмитрий Сергеевич откинулся назад, прикрыв глаза. Скверно, очень скверно! Четыре... пять тысяч человек в общей сложности, и никто, решительно никто не идёт под командование людей благородных, игнорируя даже профессиональных офицеров.

На войне! Казалось бы, сам Бог... ан нет, не идут. Сами справляются. Это решительно...

* * *

– ... невозможно! – с отвращением сказал Грингмут, отбросив от себя гранки, упавшие было на дымящуюся пепельницу, – Публика интересуется Южной Африкой, но где? Где, я вас спрашиваю... нормальные имена?

– Какие есть, – сухо ват ответил репортёр, не принимая манеру начальства и забирая гранки.

– Простите, Всеволод Игнатьевич, – закулив, искренне повинулся редактор газеты «Московские ведомости», – не сдержался.

– Понимаю, – чуть поклонился репортёр, смягчая дворянский гонор, – но уж как есть! Упоминать в публикациях Дзержинского вы запретили, хотя как по мне...

– Впрочем, вам видней, – примиряющее улыбнулся репортёр, видя выразительное лицо Владимира Андреевича, – я всё понимаю! Марксист, да ещё и беглый... непростой вопрос. Не тот человек, которого следует поднимать на щит. Ну а прочие? Панкратов не без греха, но ведь каков типаж!?

– Типаж, – вяло отозвался Грингмут, сделав затяжку, – тип он, а не типаж! Я...

Порывшись в столе и перевернувшись забытые бумагами ящики, он достал несколько листов и передал репортёру:

– Читайте! Уж простите, но только в кабинете – не то чтобы секрет великий, но и не те вещи, о коих можно болтать без разбору.

– Я...

– Вам доверяю, – склонил голову редактор самой «правой» и официозной газеты в Москве, которую злопыхатели называли «охранительской», а за пределами России напечатанное в «Московских ведомостях» считали неофициальной позицией властей, – но всё же некоторую информацию следует выдавать осторожно.

– Это... – вчитавшийся репортёр выпрямился ошеломлённо, глядя на Владимира Андреевича выпученными рыбьими глазами, – правда?!

– В большинстве своём, – кивнул Грингмут, – хотя большая часть данных подкреплена лишь анализом и косвенными данными.

– Уголовники?!

– Теперь вы понимаете? – подался вперёд Грингмут, – Давняя связь с уголовниками, и чуть ли даже не сам Иван!

– А... разоблачить? – неуверенно спросил Всеволод Игнатьевич, поведя полной щекой с пышной бакенбардой.

– Как, голубчик?! Сами по себе карточные игры с иванами ничего не доказывают, зато благотворительность – вот она! Стоит чуть копнуть, и перед нашей нетребовательной публикой предстанет этакий Робин Гуд! И в эту же кучу – песенки, изобретательство... представляете? Снова возопят, что власти травят гения!

– Да уж... – поёжился репортёр, дочитав, – прямо-таки inferнальная картина получается. Марксисты, жида, иваны... экий клубочек вокруг мальчишки закручен! Да и сам он... нда-с...

– Если бы только в мальчишке было дело, – грустно усмехнулся Грингмут, – если бы... Вот!

На стол легла французская газета, открытая на нужной странице.

– Извольте ли видеть – фехт-генерал Бляйшман!

– Жи-ид?! – рванул ворот репортёр, дикими глазами вглядываясь в бравого фехт-генерала с развевающимися пейсами, позирующего фотографу с видом брутальным и суровым,

как и положено боевому офицеру, обеспечившему прорыв в Дурбан. Сперва – безукоризненно налаженной интендантской службой, а затем и личным участием!

– Жид, – кивнул Владимир Андреевич деланно невозмутимо, и только глаз дёрнулся, – и это полбеды. Хуже другое...

– Да што может быть хуже?!

– А то, Всеволод Игнатьевич, что наши мужички в Южной Африке готовы идти за жидом Бляйшманом, за полячишкой Дзержинским, да своими доморощенными... офицерами, – выплюнул он, – но лишь бы не за человеком благородного сословия! Представляете? Напрочь!

– Мы... – Грингмут, задыхаясь от ярости, ослабил ворот на налившейся багровым шее, – умилялись сперва... подъёму патриотизма... духу русскому...

– А потом выяснилось, – уже потухшее сказал он, – что русскими они видят только себя. Не нас с вами! Жида Бляйшмана готовы русским видеть, поляка Дзержинского, цыгана Шижирия, но не нас с вами! И Церковь... в кальвинисты перекрещиваются, к староверам при-мыкают, лишь бы не с чиновниками в рясах! Такое-то у них мнение о священнослужителях, понимаете?

– Земля и воля как есть, – прошептал репортёр, – без всякой политики, в самом перво-бытном понимании...

– Пока! Пока без политики! Четыре тысячи русских мужиков и мещан воюет в Африке за землю лично для себя и волю, как они её понимают! Чёрный передел, если хотите, – едко хмыкнул редактор, туша папиросу о гору окурков, возвышающихся в бронзовой пепельнице, – а потом что будет, представляете?

– Ведь получится у них, – продолжил Грингмут, – и не потому, что они действительно... а потому, что Африка! Палку воткнёшь, вырастет, копнёшь – золото. А им, голодным после малоземелья да нечерноземья, кожурка лимонная за лакомство будет!

– И письма... – севшим голосом сказал Всеволод Игнатьевич, глядя на начальника дикими глазами, – они же письма станут писать...

– Да! А мы-то... севшим голосом сказал Грингмут, – радовались. Первый Сарматский, а? А теперь?

Всеволод Игнатьевич никогда не жаловался на фантазию, да и увлечение живописью сказывалось. Привычная картина мира, с робкими работающими крестьянами, готовыми ломать шапку перед барином за-ради великого уважения, рушилась на глазах. Вдребезги разбивались впитанные с молоком матери, вычитанные в книгах иллюзии о солдатушках – бравых ребятушках, готовых по слову отца командира – без раздумий! Вот он, настоящий русский народ!

В воображении репортёра робкий крестьянин, стоящий перед ним с картузом в руке, выпрямил голову, и смиренная улыбка его обернулась волчьим оскалом, а в руке мелькнул тяжёлый клинок.

«– Марга!»

И только зарево пожаров над помещичьими усадьбами, над родовыми дворянскими гнёздами! Где когда-то покупали и продавали людей, обменивали молодых девок на борзых щенков, отдавали парней в солдаты, запарывали насмерть непокорных – огни пожаров.

Топот неподкованных копыт по степи, волчьи ямы в лесах, и люди, готовые умирать за свободу. И убивать – всех, кто выше тележного колеса. Врагов. Их...

– Это, – с ужасом сказал Всеволод Игнатьевич, – надо остановить! Они же... дикари! Не как в сухих строках учебника истории, а... скифы! Настоящие, пропахшие дымом и кровью, ничуть не романтичные!

– Любой ценой, – сказал он уже решительно, без прежней интеллигентской вялости. По-прежнему рыхлый, рано оплывший, но глаза – волчьи. Глаза человека, готового... нет, не умирать. Но убивать.

– Священную дружину¹ упразднили, – выдохнул дымом Грингмут, целясь глазами в подчинённого, – и я считаю – рано!

– Рано, – эхом отозвался Всеволод Игнатьевич, не отрывая глаз.

¹ «Священная дружина» – тайная монархическая организация в Российской империи, созданная для борьбы с терроризмом «Народной воли». Возникла 12 марта 1881, после убийства императора Александра II, по высочайшему соизволению Александра III и при его крупной финансовой поддержке. Официально прекратила своё существование 1 января 1883 года. Информации сохранилось сравнительно немного, но достоверно известно, что только организационной работой в «Дружине» занималось свыше 100 человек. Количество русской и заграничной агентуры составляло 729 человек, добровольных помощников – 14672 человека. Издавались газеты от имени революционеров, с провокационными и дискредитирующими революционеров материалами, политическим террором. В «Священной дружине» начал свою карьеру Столыпин, как и целый ряд государственных деятелей.

Первая глава

– Слово Кайзера! – кричали мальчишки-газетчики, шутихами вылетающие из типографий и размахивающие газетами, – Речь Императора в Рейхстаге!

Газеты, ещё тёплые и пахнущие типографской краской, моментально расхватывались прохожими, и медяки летели в подставленные ладони. Часто – отмахиваясь от попыток дать сдачу!

Самые нетерпеливые тут же разворачивали газетные листы, чуть отойдя в сторонку, чтобы не мешать прохожим. Повсюду расцветали диковинные бело-чёрные цветы на толстых стеблях, зашелестели бумажные лепестки, движение на улицах замедлилось, кое-где до полной его остановки.

Солидные господа усаживались в ближайшем гаштете или пивной, заказывали что-нибудь, и время для них замирало. Лишь шевелились изредка усы, да подёргивались щёки, украшенные полученными на студенческих дуэлях шрамами.

Не мигая, до рези в глазах, всматривались юнкера в строки, напечатанные ради пущей торжественности строгим готическим шрифтом. Тик-так... Морщились лбы, и высокоучёные немецкие мозги разбирали статью построчно, выискивая потаённый смысл и додумывая там, где его и не предусматривалось.

А потом... потом загудело. Разом! Берлин, Мюнхен... прокатилась по городам и городкам речь Кайзера. Рубикон пройден!

«К германскому народу!

После двадцати девяти лет мирного времени я призываю всех, считающих себя годными к военной службе, встать в строй! Наши святыни, отечество и родные очаги нуждаются в защите!

Мы должны понять и признать, что у Германской нации есть два союзника – её армия и её флот! Не враждую ни с кем, мы должны быть готовы к войне с любым противником, опираясь только на собственные силы.

Германский народ доказал всему миру, что умеет воевать и трудиться так, как никто другой! Наши гениальные учёные, наши доблестные военные, наши трудолюбивые крестьяне и квалифицированные рабочие не знают равных в Европе и Море. Медленно, но верно германский народ поднимается на вершину культурного и технологического Олимпа, и не далёк тот день, когда мы сможем встать на его сияющей вершине, сжимая в руках флаги наших отцов!

По праву победителей, по праву сильных, по праву лучших! Но дадут ли нам мирно дойти до вершины? Нет!

С лицемерными улыбками наши соседи сжимают нас в тисках необъявленной экономической блокады. Мы задыхаемся от недостатка ресурсов и самого жизненного пространства! Это война! Необъявленная война за рынки сбыта, за ресурсы, за будущее наших детей!

Нам предстоит тяжёлая борьба, большие жертвы. Но я верю, что древний воинственный дух германских народов ещё не уснул в нашей крови! Тот могучий дух, который, где только встретит врага, тотчас атакует его – будь то человек или сама Природа!

Я верю в германский народ! В каждом из вас живёт горячая, неукротимая воля к победе. Каждый сможет прожить жизнь так, чтобы принести пользу Отечеству, а если потребуется – умереть, как герой!

Не желая войны, я обращаю ваш взор на наши колонии в Африке. Бог дал в наши руки те благодатные земли, и они пока простаивают впусте, ожидая прихода германских колонистов.

Плодородная земля ждёт тех, кто пойдёт за тяжёлым плугом, взрывая девственную красноватую почву. Тех, кто заложит шахты и рудники, добывая золото и серебро, уголь и металл для нашего Отечества.

Африка ждёт тех, кто помнит о великом славном прошлом, и кто желает сделать великим – настоящее! Помните, что вы немцы!

Независимо от повседневных забот, от текущей политической обстановки в мире, мы должны стать настолько сильны, чтобы обеспечить себя от любых случайностей, уверенно глядя в будущее! Сильны настолько, насколько это вообще возможно, превосходя любое другое государство мира, равное нам по численности населения.

Мы не ищем войны! Вследствие нашего географического положения мы должны прилагать больше усилий ради собственной безопасности. Находясь в центре Европы, мы имеем по меньшей мере три фронта, с которых можем подвергнуться нападению.

Я не сомневаюсь, что если вспыхнет война, наш народ будет сражаться с полной отдачей, и вероятнее всего, мы победим. Но я желаю, чтобы мы стали настолько сильны, чтобы никакой враг просто не осмеливался напасть на нас!

Тевтонская ярость, соединённая с прусской выучкой и дисциплиной, делают нас лучшими солдатами мира, и германский народ весьма уверенно смотрит в будущее! Но я хочу тотального, абсолютного технологического и экономического превосходства Германской нации, и для этого нам нужен всего лишь доступ к ресурсам!

Не пытаясь отнять чужого и не ведя захватнических войн, мы должны действовать самым решительным образом, колонизируя Камерун, Намибию, Тоголенд. Я призываю вас, народ мой!»

Германия загудела задетым ульем, неслыханно всколыхнулся патриотизм. Речь Кайзера ждали, и в общем-то предугадать подобную риторику было несложно...

... но «Паровозик Вилли» от бряцанья оружием в ножнах перешёл к делу.

Не сбавляя накал речей, он решительно и энергически начал разворот государственной машины на скорейшее и самое основательное освоение колоний. Решительно все министерства Рейха озаботились программой освоения Африки со своих, сугубо утилитарных и деловых точек зрения. Что можно сделать прямо сейчас, через год, через три...

Служащие дневали и ночевали на работе, их заскорузлые бюрократические сердца пылали жаром верноподданного энтузиазма! А ещё – жажды жизненного пространства.

Знатоки, будь то настоящие или самозванные, с жаром подсчитывали возможные прибыли – как непосредственным участникам освоения Африки, так и всему немецкому народу. Выходило что-то вовсе уж фантастическое, и скептики осаживали чрезмерный энтузиазм, принимаясь в свою очередь за подсчёты, но...

... даже так, цифры выходили значительные. По всему получалось, что если Рейх возьмётся как следует за колонии, то даже у самого бедного немца бутерброд с маслом разом станет вдвое толще!

Возможные риски учитывались, но отбрасывались, как несущественные. Африканская лихорадка охватила все слои населения.

Фёлькише² бурлили, обсуждая, и тут же претворяя в жизнь маленькие и большие планы, ведущие к Цели. Шаг за шагом!

Наполеоновские их идеи оказались заразительны, и неделю спустя в каждом фереине³, даже и самом аполитичном, отдав должное положенным по календарю культурным меропри-

² Националистические объединения «народного» типа.

³ Кружки, объединения – от любителей бабочек до хорового пения или нудизма.

ятиям, записанным в уставах, до хрипоты спорили о будущем Германской нации. Немецкая основательность, помноженная на энтузиазм, давала свои плоды.

В каждом городке, насчитывающем хотя бы пару сотен жителей, появлялись «Общества содействия...»

Печатались тематические брошюры и календари, справочники и полноценные энциклопедии. Люди, знакомые не понаслышке с африканскими реалиями, были нарасхват. Немцы, не совсем немцы и совсем даже не они... Героических колонизаторов ждала благодарная публика, внимающая их подчас завиральным речам с нескрываемым восторгом.

Будущие колонисты объединялись в фереины, изучая географию, флору и фауну... Но прежде всего – оружие. пылая праведным гневом на чернокожих дикарей, которые не могут оценить по достоинству доставшиеся им блага, немцы учились воевать. Это их жизненное пространство, данное им Богом!

Кто-то видел себя плантатором с сотнями безусловно осчастливленных чернокожих работников, кому-то грезились алмазы, а кому-то приключения. Но все были едины – эта земля должна принадлежать немцам!

Масла в это бушующее пламя подливали многочисленные материалы, с великим единодушием отказывающие туземцам в праве на родину. Со ссылками различной степени достоверности, авторы уверенно доказывали, что почти все туземные племена – пришлые на тех землях! Завоеватели, пришедшие недавно на эти земли, уничтожившие мирных, и несомненно добрых аборигенов, остатки которых нуждались не только в цивилизаторстве, но и в защите!

Своих сторонников находила и идея пангерманизма, объявлявшая те земли исконно германскими. Одни говорили о временах достопамятных, другие упирали на королевство вандалов и аланов⁴, ветви которого дотянулись далеко за экватор, и павшего под натиском природных катастроф и эпидемий.

Один из виднейших идеологов пангерманизма и по совместительству крупный писатель в сфере романтического и националистического жанра, Гвидо Лист, разродился несколькими работами, получившими немалую известность. На фоне таких успехов оккультист и эзотерик самовольно добавил к своему имени дворянскую приставку «Фон» и приготовился судиться с магистратом, отстаивая свои права на официальное её использование...

... а магистрат её удовлетворил.

Головокружение от успехов у Гвидо фон Листа оказалось столь велико, что он всерьёз поверил в свою избранность и происхождение от вождей древних племён. Согласно его учению, в древности именно аристократы были жрецами, а себя он видел именно аристократом, пусть и перерождённым...

Поверили и другие. В рейхе, не отрицая пока христианства, зародился культ Вотана. Собственно, зародился он много раньше, но всегда был уделом немногих, ныне же идея пошла в массы⁵, и чем она обернётся, не знал никто.

Курильница германской идеологии, на которой наркотически дымились мечты и чаяния германского народа, в сознании людей стала оформляться причудливым треножником: опора на собственные силы, жизненное пространство и оккультизм.

⁴ Королевство вандалов и аланов – германское королевство в V–VI веках в Северной Африке на территории современных Туниса, Алжира, Ливии, островов Сардиния и Корсика.

⁵ Возглавляя партии и классы, лидеры вовек не брали в толк, что идея, брошенная в массы, – это девка, брошенная в полк. Губерман.

* * *

Угрюмо выслушав речь мастера, хмуро объявившего об урезании расценок, рабочие глухо ворчали. Недавно ещё они высказались бы... пусть и не в полный голос...

Но с недавних пор полиция Петербурга как озверела, выискивая крамолу там, где её отродясь не бывало. Защита прав, пусть даже и самая робкая, подавлялась нещадно. Особо доставалось тем, кого власти назначали лидерами протеста, ну и просто заметным, авторитетным в рабочем коллективе личностям.

Прокатившаяся волна арестов и уголовных дел заметно проредила ряды потенциальных справедливых, но тлеющие под молчанием угли гнева разгорались всё сильнее. Разошлись молча, лишь глухо ворча и пряча друг от друга глаза. Лишь сжимались натруженные мосластые кулаки, да крепче зажималась цигарка под пожелтевшими от никотина усами.

– Пашка Сабуров писал, – подняв от ветра ворот старой шинелки, сказал негромко дружку Васька Климов, молодой рабочий, ещё недавно числившийся в учениках.

– И чо? – без особого интереса, даже не поворачиваясь и не сбавляя шага, поинтересовался для порядку Евген Маринин, такой же молодой и ещё совсем недавно – дерзкий на язык и быстрый на кулак жилистый парень.

– Так... он ныне в Африке...

– Иди ты!? – повернулся Евген, и узкое его лицо разом стало хищным и заинтересованным, – Это который Ленке Свиридовой шурина через двоюродного брата свойственник?

– Ага...

– В Африке, значит... и как?

– По всякому, – покосившись на городского и на всякий случай примолкнув, парни добавили шагу, обходя служителя режима стороной.

– Пока добирался, – чуть наклонившись к дружку, на ходу повествовал Васька, прыгая иногда через мартовские лужи, щедро разлившиеся на рабочей окраине по отродясь не мощёным дорогам, – так чуть не помер! Тяжко через море-то, чуть нутро не выблевал.

– Ну эт понятно, – кивнул Евген, глядячи на дружку не мигая, – а потом?

– Потом, – тот выдохнул и поёжился, будто перед прорубью, – знаешь... как пишет, так и передаю, чтоб безо всяких!

– Ага, ага... ну?

– Так... в общем, опомниться до сих пор не может, и каждый день щиплет себя по утру – не сон ли!? Такая-то малина и лафа, што самому и не верится. В паровозное депо устроился, и комнату в бараке – разом!

– Комнату?! – пугая не ко времени вышедшую за водой девицу, вскричал Евген, шарахнувшись в сторону и вступив от неосторожности в собачье говно. Заругавшись, он начал отмыывать подошву в ближайшей луже, слушая рассказ.

– Да! А когда о жаловании стал писать, о ценах тамошних, так и вовсе! В пять! – Васька для достоверности выставил перед собой пятерню, плохо видимую в вечерних сумерках, озаряемых лишь звёздами, да нечастыми огоньками в окнах домов, – В пять раз выше! А цены почти на всё – ниже! – Ну то есть фотографический аппарат ежели покупать задумаешь, то оно и дороже, – поправился он, – а еда – дешевле, и сильно.

– Та-ак... – Чуждый долгим размышлениям, Евген остановился и решительно потянул за собой друга, – давай-ка к Ленке...

– Не веришь?! – обиделся было Климов.

– Чего же не верить? – даже не остановился дружок, – Верю... не ты один такое говоришь. Просто одно дело – кто-то там незнаемый, и другое – насквозь знакомый Пашка. Понял?

– А... а! Да, не на пустое место...

– Так вот... Нам, – остановившись, Евгений звучно высморкался, – нечего терять... Как там? Ах да... пролетариату нечего терять, кроме своих цепей!

– Про документы узнать, – подхватился Васька, – да как чего... А может, и в самом деле, а?!

– А я о чём?! Чем так жить...

Переглянувшись, они заспешили к Свиридовой, потому как – ну до зудёжки! Никак на завтра не отложить!

– И ты тут? – удивился Васька пожилому Анатоличу, обчищая сапоги на пороге.

– Ну дык... – тот пожевал дряблыми губами и покосился на молча сидящего рядом сына, – я уж и всё, подзажился – за сорок уже, шутка ли!? А вот Аким да меньшим ещё жить...

– Ты, девка, чти давай, – повернулся старик к хозяйке дома, приходящейся ему троюродной племянницей через покойную супружницу, – што там у Пашки-то? Оченно мне интересно за ту жизнь узнать!

Вторая глава

Дурбан аукнулся нам удушающей бессонницей, ночными кошмарами и душевной вялостью, когда не хочется лишний раз не то што пошевелиться, но даже и думать. Организм будто решил разом отыгаться за все ранения, недосыпы, ушибы и умственные перегрузки, выполнив поставленную задачу.

На меня навалилась бессонница по ночам, днём же я, за неимением сил, постоянно залипаю на месте в каком-то оцепенении. Попытка передремасть после восхода солнца заканчивается головной болью и ещё большей умственной и физической вялостью. Голова становится дурная-предурная!

Саньку мучают кошмары, он раз за разом идёт в рукопашную, то полосуюя многочисленного противника клинками, то всаживая в тухлые кишки тесачный штык. Ну и в обратку, не без этого... а главное, до того натуралистично, ярко и подробно, што просто ой! Каждую ночь то орёт во сне, а то и без ора, сядет этак на постели и дышит заполошно, не в силах сообразить сразу, где он сейчас. Глаза дикие, руки подёргиваются, всё ещё ощущая тяжесть клинка или винтовки... жуть!

Мишка впополаме между нами, только што кошмары не столько кровавые, сколько душевные. Всё мниться ему во снах, што он што-то не предусмотрел, и вот сейчас там погибают люди... Худшая гадота, как по мне!

Феликса треплет малярня, но железный поляк всё равно в седле, только што в бой самолично не ходит. Ему сейчас самая горячая пора, вычищать остатки гарнизонов и захватывать ту часть Наталя, которая ещё под бриттами. Держится, только што похудел и до совершеннейшей одури стал похож на Дон Кихота.

– Та-ак... – оценил наш полудохлый вид Владимир Алексеевич, отвратительно жизнерадостный и довольный, – ну-ка...

Повертев нас перед собой и заглянув зачем-то в глаза, он покивал сам себе, и вздыхая, сел на прикрытый стёганым покрывалом дощатый топчан, просевший под его немаленьким весом.

– Значит так, господа офицеры, – начал он с видом нарочито бодрым, – кхе... Не думал, што буду говорить с вами о таком... ну да ладно!

– Лечение ваше... кхе! – он покраснел помидорно, зажав кисти рук меж сомкнутых колен, и поднял блуждающий взгляд на потолок, с напряжённым вниманием разглядывая трещинки в штукатурке и снующих там гекконов, охотящихся за мотыльками, – Известное, значит, лечение... н-да...

– Короче! – рявкнул он, что задребезжали стёкла, вовсе уж багровея, – В бордель, и нажраться! Ясно?! И не краснеть мне тут, как институтки, я сам в смущении! Никогда не думал... Всё! Я к Сниману, пусть он вам отпуск, и штоб как следует там!

Стараясь не глядеть друг на дружку, разошлись, все в смущении и таком себе... томлении. За себя, по крайней мере, ручаюсь!

Подготовка заняла несколько дней, потому как не всё оказалось так просто, как хотелось бы. За командира оставил Военгского, как самого грамотного и авторитетного, заместителем Шульца. Строго-настрога запретив им лихачить и самовольничать, очертил круг обязанностей и прав, и пару дней натаскивал, занимаясь натуральной дрессурой.

Отпуск же...

... неожиданно стал командировкой.

– Ну не на кого, в рот мне ноги! – вертелся вокруг дядя Фима, просительно заглядывая в глаза и никак не походя на боевого генерала, – Ты таки пойми, шо от безбавья и рыбу раком, и если я прошу за да, то это такое весомое пожалуйста!

– Пф...

– Вот и договорились! – обрадовался тот, подсовывая документы и поясняя, за што и как, – Ты здесь смотри, а здесь просто попугать можешь, тебе опыту и глаз хватит! Да, вот такой зырк, но ты больше на mine не надо, а то страшнее, чем когда на пулемёт шёл! Шутю-шутю, но всё ж таки не надо, даже и mine, который знает за тебе много всякого, и хорошего тоже, нервно-саму чуточку!

– Да там не сильное пуганье нужно, – прижимал изрядно похудевший компаньон волосатые руки к груди, – а грамотное! Ицхак понимание имеет, но без того характера, как надо! А Ёся за характер таки да, и ещё раз... нивроку...

Он постучал по украшенному зарубками прикладу винтовки, с которой не расстанется даже в сортире, и озарился счастливой улыбкой, гордясь за правильно воспитанного сына.

– Ведь какой шлимазл был, а?! А всего-то – через нехорошее пройти и смерти в глаза глянуть! А, ну да... Характер у него уже таки да, а опыта пока нет. Кому другому если, так это проще самому съездить, чем в курс дела натаскивать.

– Я Самуила и Товию с тобой отпрошу, штоб маячили за рядом, и грубая физическая сила заодно! Габариты-то какие стали, а? Чисто два кабана на задние копыта, но ты mine за этот разговор не слышал. Таки да!? Ну вот и ладненько!

– Ф-фу... есть што поснедать? – устало выдохнул Мишка, вернувшись от Снимана, – Спасу нет, как хочется щец! Из кислой капусты штоб, с головизной.

– Чем богаты, – отвечал Санька, разливая на троих уху из морской гадоты, приготовленную марсельцем Этьеном. Мишка потянул ноздрями и заработал ложкой.

– Шлавно, – промычал он, чавкая самым некультурным образом, – вкушнотища! Пошти шта и не хуже щей!

– Да! – утолив первый голод, он стал есть медленней, успевая говорить, – Отпуск дали, но такой... в общем, мало чем от командировки отличается.

– И тебе? – удивился Чиж, присев наконец за стол, – Егора тоже впрягли в логистические дела.

– А? Ну да, резонно, – кивнул Мишка, чуть помедлив, – кого же ещё? Дядя Фима занят, Ёся пока по опыту не тянет, а Исцак по характеру.

– Тьфу ты... как сговорились!

– А чо? – удивился брат, – Логично же!

– Логично, просто почти теми же словами!

– А... бывает. Так вот, – он ненадолго прервался, заработав ложкой, – Меня тоже запрягли. Не так, штобы и очень тяжело, а просто – понимание ситуации в делах штабных нужно иметь, ну и немножко – авторитет в войсках.

Санька заулыбался, показывая нам язык.

– Припряжём, – сощурившись, пообещал Пономарёнок, – куда ж ты денешься!?

Путешествие наше ещё не началось, а мы уже успели обрасти свитой. Сперва на запах буйабеса пришли таки близнецы, и воздали ему должное безо всякой оглядки на кашрут.

Потом к особо ценным нам добавили десяток человек охраны, из числа отличившихся в боях здоровенных парняг из Европейского Легиона, вроде как им в поощрение заодно. Расположившись в свободном ангаре, они сходу перезнакомились со всеми пилотами, сунули носы куда ни попадая, даже если совсем нельзя, да предвкушали поход в бордель, обсуждая былые подвиги с подробностями вовсе уж зоологическими. От их рассказов становилось одновременно противно и томительно.

Корнелиус сам себя откомандировал, мотивировав вполне логично – должен же в нашем отряде находиться хоть один бур?! Логика в его словах наличествовала, так что будущий пилот влился в отряд.

Потом, вовсе уж неожиданно, к отряду прибились староверы, получившие карт-бланш на открытие не то миссии, не то... Не знаю, как они будут оформлять это на бумагах, но вроде как в Лоренсу-Маркише планируется выстроить странноприимный дом для прибывающих русских.

С дальним, я так понимаю, прицелом. Сперва – помощь нуждающимся, а што большая часть прибывших в Африку православных будет именно нуждающимися, я нисколько не сомневаюсь! Отмыть, обогреть, накормить, дать место для ночлега, а после и на работу пристроить.

Ну и миссионерская работа, не без этого! И я так вижу, што успех будет, потому как православные привыкли в России слышать от Церкви только «Дай!», а тут «На!» Да и старцы эти – никак не чиновники в рясах, а вполне себе понятные люди для человека православного. Не вдаваясь ежели в дебри богословия и отношений с властями, то всей разницы – табачище нельзя, да к водовке аккуратно подходить, чего ж тут непонятного?

Церковь же... н-да... За Синод только позлорадствовать могу, потому как если людям тяму не хватает хоть одного попа откомандировать на такую кучищу православных, то это проблема сугубо Синода!

До войны ещё мало не девять тысяч народа в Южной Африке наличествовало, и пусть даже добрая треть – совсем даже не православные, но всё же! Для инородцев Сибирских миссионеров готовят, с немалыми приключениями подвиги духовные там совершают, а здесь – зась! Ну так и сами себе дураки!

Не знаю, што уж там им надо – от начальства согласование, иль ещё што, а тока нетути пока от Синода ни единого долгогривого во всей Южной Африке! Странно немножечко, но больше злорадно, и я это даже за грех не считаю.

А вот за Иерусалимский Патриархат обидно вышло... Я, значица, такое интересное письмо им отправил, где расписал все прелести и возможности, а там – зась! То ли всерьёз не восприняли, то ли настолько зависимы от денежных потоков из Петербурга и влияния Сергея Александровича, подвизающегося помимо всего прочего Председателем Императорского Православного Палестинского общества, уж и не знаю.

Не могу сказать, што так уж болею их проблемами, но обидно за несостоявшуюся интригу. Пара-тройка тысяч потенциальных прихожан, да в золотоносной Южной Африке, это был бы такой козырь, што всем козырям козырь! Ух-х, как мне стало бы интересно и уважительно в Палестине! Не срослось.

Жаль... вдвойне жаль, потому што знаю немножечко людей, и предвижу с их стороны обиду на меня. Письмо там недостаточно прелестное написал, или прямо в руки не передал, да с должными поклонами. Не они же сами дураки, право слово!

* * *

Стыдно... сiju как дурак, полыхая ушами и старательно выдерживая расписанную дядей Гиляем программу. С братьями стараемся не встречаться глазами, потому как... ну потому вот!

Вроде как и привычен по Хитровке к виду... хм, самому разному, но вот поди ж ты! Одно дело, когда полуголая фемина мохнатку свою кому-то там демонстрирует, а я так, случайно... А когда тебе, да со всем, значица, вежеством и умением, то совсем другое дело. Томно, ети его! И стыдно.

Кажется почему-то, што все, вот до единого, присутствующие глядят только на меня, и разговоры будут потом только обо мне. Знаю, што это сильно не так, но вот такая вот психология! Выверт.

На первом этаже лучшего в Лоренсу-Маркеше борделя салон, оформленный с обилием позолоты, красного бархата и репродукций картин с голыми феминами и алкоголем. Для розжигу аппетита, значица!

Повсюду диваны, кресла, кушеточки – непременно резные, много портьер где надо и нет, в центре салона рояль, и разумеется – они, проститутки. Одни бездельничают в ожидании клиентов, другие тискаются с мужчинами или друг с дружкой у всех на виду, ну или за портьерами, для того и приспособленными. Для стеснительных клиентов, значица. Или...

– Кхм... – не стоило любопытничать, оказывается...

Перемещаюсь по салону, то старательно отводя глаза от слишком откровенных сцен, то вспоминая о расписанной дядей Гиляем программе. Сперва, значица, экскурсия! Потом непременно выпить, и крепенько так, но только штоб не до блёва! А потом и того, на бабу. На следующий день похмелиться и повторить, и так несколько раз.

Не самая замысловатая программа, но не признать её действенности нельзя. Самое оно для поправки психики после боёв, веками проверено!

Проститутки только белые, што по здешним местам признак нешутушной роскоши и элитарности. Чернокожие, или там индуски, встречаются прехорошенькие, но вот такой вот выверт сознания у людей.

Здесьние завсегдатаи чернокожих служанок регулярно... тово, даже и за грех не считается, как так и надо. Впрочем, всё как и у нас, с поправкой на цвет кожи. Сюда же приходят вроде как культурно отдыхать, не всегда даже по мушцинской надобности.

К роялю продефилировала одна из местных звёзд, в одной нижней юбке и чёрной кружевной шали, больше подчёркивающей, чем прикрывающей её изрядно обвислые груди. Приземистая, смуглая, она изрядно походит на цыганку, но самоуверенности не занимать!

Опираясь на рояль, она ждала чего-то, поглядывая вокруг кокетливо-снисходительно, пока оживившаяся публика собиралась вокруг.

– Фаду⁶, – восторженно шепнул мне немолодой капитан-португалец, взявшийся за роль моего чичероне, и замер упитанным сусликом, приоткрыв рот с крупными плохими зубами.

Дождавшись музыкантов, звезда повела плечами, отчего один сосок выбился из кружева, и запела што-то, полное тоски и страсти.

– В притоне вчера была большая заварушка, – взялся переводить капитан, – пришёл туда патрульный, решил увести меня в отделение.

Я приоткрыл рот... ничего себе! Меня, значица, склоняли на все лады за низкий жанр в песнях, а тут нате! Самый што ни есть низкий, а в Португалии – популярней некуда!

Пела она здоровски, но больше на эмоциях и мимике, чем голосом. Я оценил, но скорее как профессионал, так-то не шибко зашло. Не моё!

– ... Мы тут дерёмся,
Но на самом деле мы друзья,
Любители свободы!
Мы всё лучше с возрастом,
И попробуйте сказать, что это не так!

⁶ Фáду (порт. fado [ˈfadu]) – португальский музыкальный (исторически – также танцевальный) жанр. Буквально слово «фáду» означает «фатум», «судьба», доминантной эмоцией в произведениях является принятие горькой судьбы.

Приложился к бокалу, а он уже пуст... но одна из девиц уже спешит на выручку, улыбаясь белозубо. А ничего так! Симпатичная почти... англичанка! Хм...

Ощувив мой интерес, белокурая британка принялась виться вокруг. Я было забеспокоился за её патриотизм, а потом успокоился... откуда он у блядей?! А хорошее вино-то...

Через щёлочку в портьере пробрался солнечный лучик, разбудив меня. Повернувшись было на другой бок, я обнаружил, што мочевого пузыря мой изрядно переполнен, и оглядываясь на сопящую под боком проститутку, не прикрытую одеялом, посетил ватерклозет.

... помню смутно, как исполняли на пару с Санькой первую мою, приютскую, с немалым притом успехом. А потом сразу – англичанка на четвереньках, хвостом виляет, а хвост у неё из... н-да, изобретательно!

– Проснулся? – девка сонно тёрла глаза, сыто потягиваясь всем своим ладным молодым телом, и я вдруг понял – надо повторить!

Часом позже, помывшись и похмелившись, мы с братьями завтракали, переглядываясь смущённо. Но так уже, без вчерашней багровости! По мушкетёрски!

– Работает терапия-то, – задумчиво сказал Санька, когда мы вышли на улицу.

– Пф... – смешливо фыркнул Мишка, – терапевт!

– Сам ты... терапевт! Хотя нет... как там тебя девка твоя поутру? Большой Змей!

Я раскашлялся, даваясь смехом, и по заинтересованно-похабным мордам охраны понял – это в народ пойдёт! С гарантией.

Третья глава

– Эсфирь Давидовна, – дворник стянул фуражку с потной лысины и показал в приветливой улыбке желтоватые, но всё ещё крепкие не по возрасту зубы, – моё почтение, барышня!

Улыбка в ответ, и девочка пошла по Балковской, цокая каблучками по брусчатке, стараясь держать лицо. А дворник, преглупо улыбаясь, остался стоять с головным убором в руках, пока у него у него не начала замерзать лысина. Опомнившись, он ностальгически вздохнул, оперевшись на метлу, а в голове зазвучал марш его пехотного полка. Тогда, очень давно, красивые барышни улыбались ему совершенно иначе...

«– Эсфирь Давидовна!» – ах, как сладко кружится голова! Она – взрослая почти барышня, дающая частные уроки в хороших домах, и тамошние дворники кланяются ей, а взрослые, солидные господа, обращаются к ней – на равных! Ну... почти!

Отчасти – потому, что она невеста Егора, а солидным господам с доходными, но скучными должностями, очень хочется быть причастным к чему-то интересному! Пусть на уровне слухов, сплетен, но сказать потом при случайном разговоре что-либо... этакое. О, для людей понимающих это многое значит!

А отчасти – потому, что учить она умеет, порукой тому четверо её учеников, поступивших кто в прогимназии, а кто и в гимназию, и что немаловажно – бесплатно. Есть таки повод погордиться собой, потому как это не девочки и мальчики из хороших семей, а самые что ни на есть коренные молдаванцы! Потомственные босяки.

«– А за окошком месяц май, месяц май, месяц май», – песня зазвучала в её голове, и Егор, растянув меха аккордеона, подмигнул невесте и продолжил с хрипотцей...

... А по брусчатке каблучки, каблучки...»

Ах, если б она видела себя со стороны! Красивая барышня, только-только расцветающая, идёт такой походкой, что любая балерина, пусть даже и прима, сгрызла бы мундштук от зависти!

Никакой фривольности, но каждый шаг, каждое касанье каблучка по брусчатке, и будто расцветают невидимые, но вот ей-ей – явственные весенние цветы, прорастая сквозь щели в камнях. А порывы весеннего ветра, разлохмачивают клочкастые сизые облачка будто в такт её шагам, повинувшись улыбке.

А какая улыбка! Улыбка любящей и любимой молоденькой девушки, делящейся счастьем со всем миром. Одесская весна, белозубая и черноглазая, а в глубине этих прекрасных глаза – то ли распускающиеся цветы, а то ли звёзды бесконечной Вселенной.

Улыбалась навстречу Одесса, и на Балковскую заглянул май, а на горожан пахло мимолётно цветущими каштанами и акациями. Весна!

Тянули носами одесситы, втягивая нагретый солнцем солёный морской воздух с нотками цветущих деревьев, и улыбались. Нахальные одесские коты, непременно чьи-то, а если вдруг и нет, то всехние, с мявом начинали делить территорию, а то и вспоминали котёночьи времена, с азартом гоняясь за подхваченной ветром бумажкой.

– Эта? – дорогу преградила ей солидная дама средних лет, одетая по последнему писку, но не слишком к лицу. Невысокого росточка, и не слишком даже дородная, она несла себя с превеликой важностью, заполнив собой всю улицу. Так порой ходят супруги высоких сановников, будто цепляя на шлейф своего эго все регалии мужей, все их высочайшие благодарности и милостивые взгляды покровителей и высоких особ. Обезьянничая Двору, ходят такие дамы непременно со свитой, собирая лстивых злоязыких подруг-приживалок да мужчинок из тех, кто делает себе карьеру угодничаньем и услужением.

Небрежным жестом прислонив к глазам лорнет, висевший на длинной цепочке, дама оглядела девочку сверху вниз и хмыкнула, еле заметно скривив губы. Свита угодливо захихикала, будто сочтя поступок невесты каким уместным и остроумным. Отпустив несколько неллицеприятных комментариев на грани оскорбления, сопровождающая даму свита заспешила прочь, хихикая стаей бандерлогов и оглядываясь поминутно.

Зачем? Бог весть... бывают такие люди, которым сладко топтаться по чужим судьбам.

А Эсфирь Давидовна... Фира почувствовала себя вновь – не барышней, а бедной еврейской девочкой из трущоб, невесть какими путями выбившейся в люди. И будто солнце погасло для неё, и она разом стала неуместной на Балковской улице, полной почтенных горожан. А она здесь – не к месту!

Будто вторя её настроению, изменчивая одесская погода тотчас переменялась, и порывы холодного шквалистого ветра толкнули девочку в спину, подталкивая в сторону Молдаванки.

«– Там тебе самое место!» – чудилось Фире злорадное в его завываниях, – «Прочь!»

Песса Израилевна, почуяв неладное всем своим большим материнским сердцем, заходила вокруг дочки на мягких лапах, не зная, как подступиться. Пошикав на расшалившихся было сыновей, и повздыхав, она выгнала мелких играть на улицу, затеяв выпечку.

Приоткрыв дверь на кухне, она полотенцем гнала в комнаты вкусный воздух, но без толку, а это куда годится?! Не на шутку встревожившись, Песса Израилевна сделала было шаг, но потом решила передумать, и поговорить сперва с той Хаей, которая умная Кац.

– Не знаю, шо и как! – пожаловалась она подруге, нервно промокая полотенцем красное от жара и волнения лицо, – Думала по мамски подойти, обнять, погладить по умной и красивой головке, потом залить туда чаю со вкуностями, а потом думаю, ну а если таки нет?! Такая вся пасмурная, шо вот-вот заштормит, и как тут будешь? Я её обнять, и вдруг только хуже?

Хая таки умная баба, и потому она не стала лезть к девочке с разговорами, а села на ихней кухне с открытой дверью и интересными разговорами о непростой женской судьбе за вкусной выпечкой. Песя вздыхала, поглядывая на подругу, которая ела безо всякой экономии к чужим деньгам, но с замечаниями помалкивала и только подливала чаю, потому как кипятилок, он таки дешевле!

Через четыре чашки чая и один поход гостыи на пописать, из комнат вышла Фира. Вежливо поздоровавшись, она налила себе чаю, без особой охоты взяла булочку и уселась на послушать, подперев тонкой рукой кудрявую голову. Хая про психологию знала только то, шо она есть, но без конкретики, зато насчёт практики – это сюда!

Сменив несколько тем и чутко отслеживая реакцию девочки, она таки добилась того, шо Фира поделилась-таки своей ситуацией и обидой. Выговорившись сумбурно, девочка ушла в комнату, и вскоре машинка яростно застрекотала в пользу синагоги и бедных.

– Лорнировала! – тихохонько пыхтела Песса Израилевна, приняв обиду дочи слишком близко и всерьёз, как невесть какое оскорбление.

– Оно конечно и да, – кивала Хая, снова подвинув к себе блюдо с выпечкой, давай подруге выговориться, а себе экономя ужин.

– На улице! – продолжала возмущаться негодующая мать.

– Песя, – подруга попыталась достучаться, но вышло таки несколько невнятно из-за чавканья, – ты таки пойми, шо это если и да как оскорбление, то сугубо для равных, и то не везде.

– Ты хотишь сказать, шо моя рыбонька хуже этой мадамы? – Песса, в эту минуту воистину Израилевна, упёрла в бока полные руки и опасно сощурилась.

– Тьфу на такое твоё! – замахала на неё Хая, которая внезапно поняла, шо Бунд и всякие интересные связи с приключениями, это канешно и да, но такая вот разгневанная иудейская мамеле может быть страшнее казака с ружьём!

– Я только за то, – пояснила она, – шо мадама хотела сделать девочке гадость, и таки сделала, но получилось у неё так, как у маленького глупого мальчика посцать против сильного ветру! Ты мне слушаешь? Такой наскок на еврейскую девочку делает дурой саму мадаму, потому как ну куда!

Песса Израилевна дала себя уговорить, шо мадама явно из ку-ку, но дальше застопорилось. Напрочь забыв, как сама в нежном девичьем возрасте могла смертельно обижаться на всякую ерунду, она горела священной таки мстью!

Её дочу сильно обидели, и какая ж она будет мать, если простит такое? Это у гоев всякая там ерунда с прощением врагов и щеками, а у них всё как правильно!

Не без труда уговорив подругу, шо нанимать разных бомбистов на эту мадаму будет перебором, Хая выдохнула облегчённо, обмякнув на стуле. Кажется, на секунду только прикрыла глаза...

... а Песя уже во дворе, делится дочинной обидой, умножая её сперва на два, а потом ещё на десять. Трагически заламывая руки так, как это умеют только актрисы глубоко провинциальных театров, она пронзительно поведала двору за нехорошую мадаму в самые кратчайшие сроки.

Взметнулся ворох юбок... Песю было уже не остановить! Ангелом мщения пройдясь по Молдаванке, она завела всех, кого таки надо, а кого таки нет, тех тоже да! Потому што доча!

Дело быстро приобрело всехний окрас, потому как Песя насквозь своя, и родня половине Молдаванки.

«– Туки-тук!» – постучалась обида в сердца молдаванцев, а у кого если и нет, те вспомнили за Егора, Африку, Бляйшмана и всех-всех-всех, кто так или иначе! Оттуда идут письма, сочащиеся энтузиазмом, гостинцы и самое интересное – деньги! И всё это вкусное так или иначе, но хотя бы чуть-чуть завязано на Егоре и немножечко вокруг.

Тута такое дело, что если кто ему чуть-чуть, то – здрасте, водопровод! А если кто да? Тот-то! Ви таки поглядите на Песю и её счастливое сегодня, и ещё более потом? А эти два оболтуса, Товия с Самуилом?

Все таки думали за их судьбу биндюжниками и немножечко контрабандистами, вслед за папеле, а они таки р-раз! И в Африке! Война, оно канешно и да, но уже на спад, а сержантские нашивки и уважительные знакомства, они останутся. Как и несколько участков под застройку в Претории, а это уже поднимает их из низа – вверх! Сильно не самый, но и они не больно ого!

А ещё Сам Фима Бляйшман его за племянника, а Фима это голова! Надежда и гордость народа и Одессы, потому шо это – ну просто праздник, а не человек!

Рассыпались мальчишки и те, кто постарше, искать видоков и подробности, и ведь таки нашли! Кто, где... неведомыми путями выяснили даже за любовника одного из свиты, и ви таки представьте – два мушцины!

В Одессе ханжей не так, штобы и да, но есть нюансы! Одно дело – два человека увлекаются эллинской культурой, никому таки не мешая, и другое дело – вот так вот! Ну не педерасты ли?

* * *

– Это невыносимо, Анатолий! – яростно обмахиваясь веером, выговаривала дама вялому мужу, сидящему на диване в гостиной в домашнем платье, – Эти босяки всю лорнируют меня, сделай же что-нибудь!

– Душечка, – отложив газету, потел мужчина, совершенно раскиснув под натиском супруги, – ну это же другой город! Нас только перевели сюда из Петербурга, и у меня нет ещё таких связей, чтобы надавить...

– Ничего не хочу слышать! – дама с треском сложила веер, ударив себя по полной ладони, – Каждый мой выход фраппирует⁷ народ, на меня уже показывают пальцем!

– Душечка...

– Анатоль! – взвизгнула дама, и на глаза у неё появились слезинки, – Ты! Ты... какая-то девчонка... и ты... нас...

Швырнув в мужа веером, она в рыданиях убежала в спальню, переваливаясь с боку на бок. Мужчина, вздохнув еле слышно, пробормотал негромко:

– ... спасибо тебе, маменька, за устроенный брак... Зато с лучшей твоей подругой породнились, да? Ни любви, ни...

Он постоял, раскачиваясь с носка на пятку и думая мучительно – последовать ли привычному сценарию регулярно разыгрывающегося представления, согласно которому он должен кинуться утешать супругу, обещая загладить все настоящие или мнимые вина, или...

– К чорту! – неожиданно резко сказал он, и стало вдруг видно, что не такой уж он мямля, а просто сложилось так в жизни. Бывает. – Всю жизнь живу так, как маменьке угодно! Каждый раз поминает, как тяжело меня носила... сто крат уже отдал – хоть послушанием сыновним, хоть деньгами. Для себя жить буду! К чорту! Решено... развод!

⁷ Фраппировать – неприятно поражать, удивлять, ошеломлять.

Четвёртая глава

К середине марта войска Южно-Африканского Союза вышли к границам Капской колонии, и армии застыли в томительном ожидании. Промедление играет на руку британцам, но буры изрядно выдохлись. Началось подтягивание тылов, накапливание резервов и переговоры на самом верху, с участием третьих государств.

В Северной и Южной Родезии, напротив, бои продолжаются, и наши войска действуют решительно и безоглядно. Сейчас туда перебрасывают Европейский Легион, в довесок к уже имеющимся частям.

Боевые действия там самые ожесточённые, виной чему наши чёрные союзники, получившие оружие и возможность расквитаться с давними недругами, которыми видят прежде всего почему-то не англичан, а тсвана и родственные им племена. Резня идёт страшная, в письмах Житкова и Корнейчука проскальзывает иногда такая inferнальная жуть, што будто ледяная когтистая лапа ухватывает за сердце.

Чёрные воюют всё больше друг с другом, в войнах европейцев выступая скорее носильщиками и скаутами, и лишь изредка помогают на второстепенных направлениях. Отдельные отряды, к числу которых можно отнести батальоны наших одесских друзей, могут похвастаться хоть какой-то выучкой, дисциплиной и стойкостью, остальные же само понятие «дисциплина», воспринимают как страшное колдовство.

Так, винтовки есть у большинства матабеле, и вполне притом современные. Но заставить их чистить оружие – задача из разряда особо тяжёлых. Зато вырезать на прикладе колдовские узоры, обвешивать её амулетами из разной дряни и «кормить» винтовку кровью и жиром самого подозрительного происхождения, это само собой разумеющееся!

Матабеле и тсвана, по рассказам очевидцев и письмам друзей, полагаются больше не на выучку, а на всякую потустороннюю гадость, имея в своих рядах колдунов, притом вполне официально. Амулеты и «лекарства» из человечины, и кровавые ритуалы с гекатомбами жертв скрыты обычно от глаз белых. Но и того, што всплывает ненароком, хватает! Украшенные винтовки, это так... мелочь.

А каково, например, войти отряду в деревню тсвана, и обнаружить население не просто убитым, а разделанным на части? Людоедством матабеле не балуются, но ритуалы и «лекарства» как бы «не в счёт», и это почти по всей Африке так.

Пара-тройка сотен людей, немалая часть из которых умирала долго и мучительно, это огромное потрясение даже и для здоровой психики. Если же добавить к этому отрезанные ягодицы, ступни или кисти рук, то...

... новоявленные белые колонисты не потерпят рядом с собой таких соседей, пусть даже и трижды союзных. Пусть даже и отселенных на худшие земли. Какие-то исключения наверняка будут, но думается мне, очень нечастые.

Может быть, батальоны Житкова и Корнейчука, да ещё с десятков таких же «гвардейских», с белыми офицерами, и унтерами из гриква и бастеров. Прочие же... впрочем, у противника не лучше.

А ведь эти племена относятся к относительно цивилизованным... Впрочем, не мне их судить, первобытное зверство ничем не хуже цивилизованного. Честнее.

Чёрные войны, ведущиеся параллельно белым, сдвинули лавину, и в Африке началось переселение народов, не дотягивающее пока до Великого.

Некогда британцы с помощью тсвана согнали матабеле с лучших земель, а ныне уже матабеле уничтожают все родственные тсвана племена, оставляя собственные родовые земли вой-

скам буров и Легиону. Тсвана, ведя самое ожесточённое и безнадёжное сопротивление, в виду недостатка вооружения и особенно патронов, саранчой рассыпаются по окрестным землям.

Схема получается грязная и кровавая до рвоты, но в здешних первобытных краях явление это едва ли не естественное. Некогда тсвана уничтожали койсанские племена, загнав их в пустыни, а ныне и сами подвергаются геноциду.

Драться за Капскую колонию Британия настроена решительно, это вопрос государственного престижа и самосохранения. Стоит дать где-то слабину, и огромная империя начнёт рассыпаться на глазах.

Престиж Империи не слишком пострадает, если буры смогут отстоять своё, да и обе Родезии формально не входят в состав Британии, оставаясь частными землями Родса, а это уже проблемы его наследников, а никак не государства!

Ныне ситуации застыла, и как повернётся, сказать не может никто. Умствования политиков в газетах не стоят и ломанного гроша. Большинство из них, за исключением людей недалёких, просто преследует собственные цели, продвигая ту или иную точку зрения.

Мишка знаком с международной ситуацией куда как лучше меня, отчасти по долгу службы, а отчасти благодаря более глубокому, стратегическому мышлению. По его словам, одна только Индия может преподнести многовариативные сюрпризы.

А ведь помимо Индии, есть ещё Афганистан, где проходит граница владений русского царя... и я решительно не могу назвать те земли частью Российской Империи! У тамошних правителей есть свои интересы, и интересы эти необходимо как минимум принимать во внимание, потому как мелкие племенные властители не раз и не два становились камнем преткновения великих держав.

* * *

– Его... – запнувшись на полуслове, опекун остановился, и самым неприличным образом открыл рот, сдвинув на затылок широкополую шляпу, глядя кинетическую скульптуру⁸, вращаемую ветром. Широкие лопасти из тончайшей листовой меди кружатся тихохонько, создавая постоянно-изменяющиеся композиции, действующие самым гипнотическим образом.

Мотнув головой, он захлопнул рот, и вытер рукавом тонкую ниточку слюны, тихо ругнувшись и покосившись, видел ли я?

– Што это за... – крутанув загорелой дочерна шеей, он дёрнул кистью руки, не в силах подобрать слова, – хреновина?

– Движущаяся скульптура в стиле кинетизма, – отвечает за меня Санька, улыбающийся так, што чуть не солнечные зайчики от кипенно-белых зубов.

– Што за... а, нет! Не отвечайте!

Стараясь не коситься на лопасти, он вошёл в ангар и принялся разглядывать многочисленные модели аэропланов, висящие под потолком.

– И што... все?

– В потенциале, – понял я его, – Какие-то лучше, какие-то хуже.

– Примеряетесь, значит... – он прошёлся ещё раз, задирая голову и глядя на раскачивающиеся под потолком модели.

– Агась... – я отвлёкся, дав распоряжение одному из техников, – работают все, но по-разному. Одни – на взлёт-посадку, согласно расчетам, хороши.

– А это как? – быстро перебил Владимир Алексеевич по репортёрской привычке.

– Короткая взлётная и посадочная полоса.

⁸ Вбейте в поисковик, АТ всё равно не даёт возможность выделить ссылку.

– Ага, ага...

– Другие планируют лучше. Ну и так... всего по чуть-чуть. Примеряюсь, какие модели поинтересней, да какие по нашим условиям проще сделать.

– А это што? – нагнулся он к широкой трубе, трогая лопасти вентилятора.

– Аэродинамическая труба. Так себе труба, если честно... за неимением лучшей. Помещаем сюда модель самолёта, и начинаем обдувку.

– Ага, ага... впечатлён, – он уселся на верстак, щёлкнув с него предварительно большого жука, угрожающе растопырившегося на дощатой поверхности, – не ожидал, если честно. Думал почему-то, што ты творишь этак по наитию, а тут всё такое... научное.

– Ну... – я перехватил его взгляд на доски, исчерченные формулами, чертежами и набросками, – вернее будет говорить – пытаюсь.

– Што там с двигателем?

– Доводят до ума, – присаживаюсь рядом, привалившись к плечу и прикрывая глаза, – в паровозных мастерских хорошие инженеры и рабочие, но есть, как говорится, нюансы. Марки стали, закалка и прочее.

– Хм... – его рука нерешительно взъерошила мне волосы, отчего меня совсем зажмурило, как когда-то в далёком-предалёком детстве, – а чем тебе старые двигатели не угодили?

– Тяжёлые слишком, или ненадёжные, а чаще и то и другое разом.

– А твой, значит, лучше? – в голосе тщательно скрываемое неверие и надежда.

– Угу, – я зевнул, не открывая глаза, – предварительные испытания двигателя проведены.

– Вот так вот?! – перебил он меня, – За две недели – ангар с десятками моделей, новый двигатель... пусть сырой... две недели?!

– Не-а... сперва, – стучу себя согнутым пальцем по виску, – здесь! Годами! А это так... и не две, а три почти.

– Он модели ещё в Одессе клеить начал, – наябедничал Санька, – в первый же свой приезд. И тетрадка там, в подвальчике, от сырости вся разбухла, а чертежи и расчёты в целости.

– Была в Одессе, – перебил я его, – давно уже забрал, и расчёты эти... так, филькина грамота, по большому счёту.

– Ну... тебе видней, – согласился Чиж, – я это просто к тому, што совсем даже не с нуля! Ночами иногда – проснусь, а он сидит с лампой, чертит, шепчет, волосы ерошит... Думал, не вижу?

– В Родезии, – я чуть шевельнулся, устраиваясь на плече поудобней, и перевёл разговор, – от летадр эффект скорее психологический.

– Ну да, – согласился дядя Гиляй задумчиво, – всё и вся вперемешку, небольшими отрядами.

– Вот-вот! Отправил туда Тома и Ивашкевича, но мнится мне, они там больше негров пугают, да ещё координируют действия разрозненных наших отрядов.

– Это не лишнее, – пробубнил Санька рядышком, смачно зачавкав яблоком. Я не глядя протянул руку, и получил свою долю.

– Не лишнее, но так... На границе Капской колонии они нужней, вот пусть и летают, проверяют расположение вражеских войск, да тешут души бурских генералов. Пора им свои шишки набивать, да уверенности набираться. А я вот...

Открыв глаза, захрустел яблоком и соскочил с верстака.

– Чуть не забыл! Пойдём, – потянул опекуна за рукав, и жестом театрального режиссёра открыл брезентовый занавес, отгораживающий часть ангара.

– Какой-то... – он качнул пальцем конструкцию из реек и шёлка, – ненадёжный... нет?

– Испытан, – жму плечами, пытаюсь удержать на лице скромное выражение, – вдвоём с Санькой поднялись, и ничего... нормально.

– Это ещё мотор у нас даймлеровский, – похвастался брат, принимавший непосредственное участие в создании аэроплана – чуйка у него на аэродинамику, – тяжёлый, зараза! А так... двести...

Он оглянулся на меня...

– До двухсот килограммов груза, не считая пилота, – поправил я, расплываясь в горделивой улыбке так, што ещё чуть, и морда пополам!

Владимир Алексеевич простеcki присвистнул, уважительно оглядывая аэроплан.

– Поэтому позвал?

– В основном. Первый репортёр и всё такое...

– Первый... – засмеялся он, – положим, всё ж таки ты!

– Пусть второй, – соглашаюсь с ним, слыша нотки сожаления, – тоже недурно! И... хочешь, научу потом пилотировать?

– А... – он сглотнул, и взгляд загорелся безумной надеждой и Небом, – очень!

Погладив аэроплан по обшивке, уже этак по-хозяйски, опекун вздохнул прерывисто, потянувшись всем своим сильным телом.

– А ещё, – продолжил я, – дело такое... мы Фиме Бляйшману подарок задумали ко дню рождения, и я было за всякую банальность взялся, но Саня сказал – ша! У человека и так всё есть, нужно дарить ему интересное! И...

– Мишка собрал трофейные клинки британских офицеров с самых-рассамых битв, Егор откуёт, а на мне украшение!

– Ишь ты! – удивился опекун, – Сильно! А справитесь?

– Я слесарь не из последних, – жму плечами, – а нехватку умения восполню избытком оборудования.

– Угу... а я тут каким боком?

– За молотобойца постоишь?

– Охотно, – опекун подшагнул к тяжёлому молоту и сделал несколько уверенных движений такого рода, што мне на миг причудились на нём тяжёлые доспехи... – приходилось и за молотобойца.

Настрой сбился, но вот ей-ей, напишу! Как привиделось, так и напишу!

– Кстати, – остановился дядя Гиляй, опустив молот, – меч, это канешно символично, но продумать бы этот символизм заранее! Как минимум – гравировка в правильном стиле, а не мешало бы и поинтересоваться также, какие там клинки в Иудее в древности были. Есть соображения?

– Эге ж... – озадачился я, – вот это я лопухнулся!

– Замотался, – хмыкнул Санька, – да и я хорош! Ладно... решим. С Ицхаком переговорим, Фиру можно будет телеграммой спросить.

– Телеграммой? Да... в Палестину ещё... ладно, не завтра дарить собрались, решим вопрос.

– Почта, шеф! – издали закричал молодой техник, – Вам как обычно, целая пачка!

Вручив мне телеграммы и письма, он удалился, покосившись с любопытством на Владимира Алексеевича, я же стал разбирать почту.

– От Сытина... – вскрываю письмо, – требует продолжения «Африканских дневников»... некогда. Лев Лазаревич, хм...

Прибираю письмо в сторонку, компаньон по антикварному бизнесу поместил в письмо условные знаки, и нужно будет... Отвлекаюсь на неуместные звуки...

Санька рыдает беззвучно, кривя лицо над распечатанным письмом, и крупные слёзы падают на бумагу.

– Исаак... – он зарыдал ещё горше, задыхаясь от горя, – Исаак Ильич умер!

Пятая глава

Скрипнула старая дверь в сенях, в избе потянуло холодом, и малая Глашка, улыбаясь щербато, метнулась встречать деда, обтряхая веником липкий снег с валенок, да со спины, куда только могла дотянуться, сосредоточенно пыхтя.

– Ишь ты... – ласково заулыбался тот в бороду, опуская голову вниз и глядя на свою любимицу, – помощница растёт! Ну будя, будя...

Войдя в избу, большак перекрестился привычно на бумажные иконы в красном углу, потемневшие от копоти и намоленности, и только затем скинул ветхий длиннополоый тулуп, озабоченно погладив истончившуюся местами кожу. Эка досада... полувека ведь не прошло, аккурат к свадьбе справили.

– Эхе-хе... ну, небось на мой век хватит, туды ево в качель!

Невестка споро подхватила тулуп и рукавицы, и без лишних слов разложила их сушиться на поддымливающей печи. Жена-старуха, прожившая с супругом больше сорока лет, поднесла корец кваса, шипающего в нос кислыми пузырьками.

– Некрепок ить лёд-то уже, – осушив корец, вздохнул большак, тяжело усаживаясь на лавку. Мозолистая пятерня его размочалила сивую густую бороду, а выцветшие от возраста глаза будто смотрят в лесок за речкой.

Надобно бы съездить украдкой, да нарубить, потому как дровишек в обрез, хучь плачь. Надобно бы, да лес барский! И лес, и речка, и... со всех сторон так – куда ни ступи, а барское всё, помещичье! От крепости когда освобождали, так землю нарежали, что сплошные неудобья мужикам достались, сталбыть! На поля свои проехать, и то через помещичьи земли, кланяться управляющему изволь, в ноженьки пади! А уж он-то не оплошает – найдёт свой да барский интерес, ничем не погребует.

Хотишь там иль нет, а приходится через закон беззаконный переступить! То лесу, то... и-эх, жистя! Перекрестившись, крестом смахнул с души грешные мысли, набежавшие невольно.

– И-эх... грехи наши тяжкия!

– Деда... – малая потянула его за штанину, прерывая размышления, – баба сказала, што обед уже готов! Ты как велишь, так она на стол накрывать почнёт!

– Кхе! Ну, старуха – всё што есть в печи, на стол мечи! – ухмыльнулся большак, выходя в сени умыться. Невестка подскочила пугливо, полила на руки, пока тот отфыркивался над бадьей.

– Отче наш... – привычно начал большак, читая молитву, и за большой, начисто скоблённый стол, начала усаживаться вся немаленькая семья. Сам со старухой, да двое женатых не отделившихся сынов с жёнами, да их дети. Ничо! В тесноте, да не в обиде! Отделиться, оно не долго, было б только куда.

Шти жиденские, не забелённые даже и молоком, зато у каждого – своя миса! Не нищета какая, штоб вкруг из одного горшка по очереди хлебать. Богатый дом, справный.

Ели истово, без разговоров и чавканья, даже и малые понимали важность трапезы, а если кто плошал, того и ложкой по лбу! Звонко! Набухали слезами детские глаза, но зная за собой вину, только сопели молча, да переглядывались, пинаясь под столом.

Капустный хворост да вываренный до серости зелёный свекольный лист, и только самую чуточку свеклы, которая уже подходит к концу. Не уродилась по осени, сталбыть. Ну и травок всяких-разных, для скусу и аппетиту.

Хлеб пушной, изо ржи, пронизанный тонкими иголками мякины, и человеку непривычному прожевать его ещё ничего так, скусно, а вот проглотить – ну никакой моченьки не хватит! В горле комом станет, ежели только не с малолетства титешного приучен.

– То не беда, што во ржи лебеда, – утерев рот после трапезы, молвил довольно большак, – а то беда, когда ни ржи, не лебеды!

Пили чай – скусный, страсть! Большуха, она травница знатная – травинку к травинке так подберёт, што в чашке глиняной мёдом отдаёт и летом. Сплошная пользительность!

Дети надулись кипятку быстро, по детскому торопливому обыкновению, и собравшись у старухи, усевшейся с прялкой под печкой, пристали было со скасками.

– И-и, милые, – отсмеивалась старуха всеми своими морщинками, не прекращая сучить нить, – память совсем дырявая стала!

– Ну ба...

На скаску бабку не уговорили, но разговорившая детвора упомянула Афоню из соседнего села, который по осени в губернском городе бывал, да не на ярманке, а на выставке сельского хозяйства, так-то! К куму недавно заехал, да баек про ту поездку целый короб вывалил. Врак, понятное дело, преизрядно, но занимательно, етого не отнять.

– Ён грит, – захлёбывался словами восьмилетний Ивашка, размахивая для убедительности руками и кругля глаза, – што как зашёл туда, шапку снял при виде бар вокруг, глаза выпучил, да и не моргнул ни разочка! Такие там чуда чудные и дива дивные, што и словами не передать, во!

– Капуста – во! – перехватив разговор, развёл руками в стороны Стёпка, показывая чуть не человечью голову.

– Брешешь! – немедленно усомнились остальные.

– Собаки брешут! А я как есть, так и передаю! Наврал там Афоня, иль нет, про то не ведаю, а я вот слыхал да видал, так и пересказываю, врак не добавляючи!

– Да где эт видано? – усомнилась хлопотавшая у печи невестка, прислушивающаяся к разговору, – Штоб капуста, и такая вот здоровущая урождалась? С яблоко ежели, и то хорошо.

– И-и, милая! – засмеялась старуха дребезжаще, – С моё поживёшь, и не то увидишь! Оно и с голову может быть, и побольше! Коль слова нужные знаешь, так чево ж?!

Народ вокруг завздыхал, завозился. Вызнать тайное слово мечтал каждый, но поди ты – вызнай! Тут либо через родову передаётся, да под клятвы клятвенные, либо колдовским путём. Поди вон на Купалу, папоротника цветущего в лесу добудь, лёгко ли?!

Дверь с размаху стукнула о бревенчатую стену, обсыпав лавку древесной трухой, и в избу ворвался разъярённый исправник, за спиной которого матёрым медведем вздыбился урядник. Нагнув чутка голову в форменной шапке, штоб не цеплять низкую, закопчённую дымом при-толоку крестьянской избы, он грозно поводил очами и свирепо сопел.

– Бунтова-ать? – и в зубы большаку, только мотнулась седая голова, – Как ты смел!? Как смел?

Топорща свирепо усы и брызжа слюной, исправник наградил хозяина дома, вставшего перед ним навтыяжку, ещё несколькими зуботычинами. Не мигаючи и кажется, даже и не дыша, старик стоял, боясь утереть кровушку с разбитой морды, падающую на скоблённый пол.

– Вы! – женатым сыновьям досталось шашкой в ножнах – по головам, по хребтам!

Малые дети, сгрудившиеся у печи, с диким ужасом глядели на это, не моргая. Глашенька, сама того не замечая, подвывала тихохонько на одной ноте, глядя на избиеение родных.

Запыхавшись и окончательно запугав крестьян, исправник немножко успокоился.

– Ишь! – погрозив им кулаком, он прошёлся по избе, глядя брезгливо вокруг, – Думали, не узнаю? Я всё... всё знаю. В оба гляжу!

Усевшись по-хозяйски на лавку, исправник оглядел крестьян, немало напуганных присутствием столь высокого для них начальства.

– Совсем распоясались, – гневно сказал он, и за его спиной нахмурился урядник, шевеля по тараканьи усами и всем своим видом обещая бунтовщикам немыслимые кары, как только уедет такой милосердный и добросердечный исправник.

– Распоясались, – повторил он, – барина на вас не хватает! Да, барина! Ну ничего, ничего...

Еле заметный кивок, и урядник выметнулся из избы, топоча подкованными сапожищами. Минуту спустя в дом вошёл молодой человек, едва ли двадцати лет, одетый по последней парижской моде и пахнувший тонким парфюмом.

С безгловым любопытством оглядев убогую обстановку, он скорчил гримаску, уместную больше кокотке, и быстро заговорил по-французски с исправником. Тот разом вспотел, подбирая слова, и молодой человек перешёл на русский, давшийся ему не без труда.

– Вово... Владимир Александрович Турчинов, – поправился он, отчаянно грассируя, – владелец сих... как это будет на русском, шер ами?

– Пажитей? – предложил исправник, на что Вово неуверенно кивнул.

– Ваш... как это? Ах да... природный господин!

Большак вздохнул было прерывисто, но смолчал, наткнувшись на взгляд урядника.

– Обленились мужички, – заявил Вово, расхаживая по избе, с надушенным платочком у носа, разглядывающий обстановку с видом этнографа, – буду у вас... порядок вести.

Не обращая внимания на хозяев избы, дворяне повели разговор на смеси французского с русским, из которого большак только и понял, что молодой барчук решил выжать из мужиков последние соки.

«– Не слушать ни чиновников, ни господ, ни попов, – вспомнилось большаку давнее так явственно, будто это было вчера, а не без малого сорок лет назад, – не выходить на работу, добиваться истинной воли! А она не будет разыскана, пока не прольётся много крови христьянской!»

Пренебрежительный взгляд Вово на домочадцев, несколько картавых слов и среди них – «пороть» на русском.

«– Резать, вешать, рубить дворян топорами!» – кровавым набатом удалило в уши старику давнишнее.

– ... эка скверная погода, – донеслось до старика будто из-под воды, – и всё ведь одно к одному! Кучер, фис дёпЮт⁹, руку себе повредил, и эк ведь угораздило лё кон¹⁰...

Снова смесь русского с французским, и...

– За кучера поедешь, старче! Ну! – урядник без затей двинул большака под дых, помогая тому собраться с мыслями.

«– Воля! Воля! – скандировала толпа, не расходясь при виде готовящихся стрелять солдат. Апраксин ещё раз велел расходиться, и затем скомандовал залп... потом второй, третий...»

На крытом возке позади молодой помещик вёл беседы с исправником, ведущим себя удивительно предусмотрительно, показывая себя тонким и остроумным собеседником. Повозка покачивалась, откормленные полицейские кони легко тянул утеплённый возок, а позади говорили, говорили...

Вово делился непринуждённо своими планами на принадлежащие ему земли.

– ... привести в порядок, что-то продать, – вырывался из возка грассирующий голос молодого барина, – заставить, наконец власти взыскать недоимки с мужиков...

⁹ Сукин сын (фр.).

¹⁰ Мудак (фр.).

– Вовб, мон шерри! – донёлся из возка густой смех исправника, – Помните, они теперь не крепостные, и даже не временнообязанные!

– А какая есть разница?!

– Ха-ха-ха! Подловили, мон шерри, подловили! – послышался лязг стекла, и урядник, сидящий рядом на козлах, облизнулся произвольно, ещё пуще задымив цыгаркой.

– Где этот ваш... енфант terrible...

– Ха-ха-ха! – захохотал исправник, – Париж в каждом слове, я восхищён!

– Эй, – высунулся он в окно красной мордой, поманив урядника, – иди-ка сюда... ужасный ребёнок, ха-ха-ха!

Получив неожиданный гостинец, урядник перебрался на задки, откуда сразу же послышалось бульканье, и до большака донёлся запах ветчины, немыслимо соблазнительный для голодного мужика.

Несколько раз господа приказывали остановиться и вылазили из возка, обзревая владения Турчинова и ведя беседы о том, как бы половчее наладить хозяйство, ничего собственно не налаживая. Собственно, споров и не было, молодой помещик и исправник вполне резонно считали главным ресурсом крестьян, которые фактически не могут покинуть земли.

– Стой! – заорали из возка, – да стоять же, скотина!

Большак натянул вожжи, и кони, фыркая недовольно, встали.

– Стоять, – ещё раз повторил исправник и выбрался из возка. Красная его морда, вкупе с пышущей паром фигурой, навевали мысли о самом приятном времяпрепровождении. Вслед за ним вышел и Вовб, твёрдо стоящий на ногах, но с несколько стеклянным взглядом.

Окропив кусты, господа полезли было назад, но молодой барчук остановился.

– Вот... – повёл он рукой, – папá так красочно рассказывал мне, что я будто сам пережил эти волнительные минуты! С того плёса он и расстреливал восставший плебс.

– Как же-с... закивал исправник, – с лодок, весьма остроумно!

– Эй... – Вовб прищёлкнул пальцами, – пейзаин! Лёд крепкий?

– Так это... – большак открыл было рот, дабы упредить, што чутка побольше недели, как аккурат на том месте чуть не ушёл под лёд Ефим. Сам еле вылез, а лошадку и вовсе чудом спас!

– Как есть крепченый, ваша милость, – закланялся он, разом вспотев и ломая шапку, – как есть! А што трещит, так ето по весне завсегда так! Он ить не скоро ещё ледоходу быть.

Разгорячённые вином и разговором, дворяне потянулись к плесу, а следом за ним, кинув на старика грозный взгляд потопал урядник. Размахивая руками, Вовб энергически двигался, притоптывая и очевидно, разыгрывая целый спектакль по сюжету сорокалетней давности.

Не выдержав их лёд затрещал, и молодой барчук ухнул по пояс. Почти тут же под лёд провалился, как и не было, грузный урядник. Исправник попятился и сел, глядя на Вовб, ломающего лёд в тщетной попытке выбраться.

Не пытаясь помочь, полицейский начал пятиться, не отрывая взгляда от молодого помещика.

– Чичас! Чичас, ваша милость! – заорал большак, – Не шевелитесь там, я чичас!

Выдернув из-за опояски топор, он споро добежал до молодого леска и в несколько взмахов свалил тонкое деревце, сделав из него жердину.

– Чичас! – разевая рот, побежал он до тонущего Вовб и сидящего на льду исправника, боящегося пошевелиться. Не добегая с десятков сажень, старик лёг и быстро пополз. Исправник перевернулся на живот, вытянув руки навстречу жердине...

... и н-на! Деревяха с размаху обрушилась на лёд подле чиновника, а потом ещё, ещё... Всё затрещало, и осанистый мужчина оказался в воде. Парижанин, будто при виде этой картины, утратил последнюю волю к сопротивлению и ушёл на дно.

А исправник, не отрывая взгляда от крестьянина, раз за разом выбрасывался всем телом на лёд, ломая его и приближаясь к не такому уж далёкому берегу.

– Чичас ваша милость, чичас... – пяясь, приговаривал большак, и как только почувал под ногами матёрый лёд, встал прочно, и деревяхой – да в харю исправнику, отталкивая его назад! А потом ещё раз, ещё...

– Сподобился... – опёршись на жердину, перекрестился большак, – спаси Господь! А на душе-то как лёгко! Будто за каждого по тыщце грехов простили.

«– Резать! Вешать! Рубить дворян топорами!» – шумело у него в голове, и где-то совсем в глубине сознания было острое сожаление – и-эх... раньше надо было! Лишнее они по землице проходили, как есть лишнее.

* * *

После увода большака домочадцы не сразу отмерли, да и потом двигались сонными мухами, переживая испуг и унижение.

– Тятя, – осторожно спросил отца пятилетний Павлик, отходя от женщин, с остервенением взявшихся за приборку, – а почему барин грозился? Чего деда посмел?

– Грозился? – мужик втянул стылый воздух через окровавленные зубы, и ответил как есть, – потому што мог... так вот. Потому што барин, и власть вся как есть – их, барская.

– А чево деда посмел?

– Чево? А Бог весть! Законы-то барами придуманы, да в пользу бар. Как ни повернись, а всё едино закон ихний нарушишь.

В ожидании большака домочадцы вели себя так, будто у них в дому упокойник. Скрип двери заставил их сердца заколотиться, а ноги ослабнуть.

– Слава Богу! – широко перекрестился на иконы старик, разом будто помолодевший на десяток лет. И добавил, глядя светло на домашних:

– Всё хорошо, все потопли!

Шестая глава

Столица Российской Империи жила разговорами о Небе. В Европе вовсю уже проводятся соревнования планеров и летадл, русские же спохватились позже всех, хотя казалось бы...

Даже дамы высшего света разговаривали всё больше о полётах, авиации, моторах и Рыцарях Неба, бывших у всех на слуху. Воздухоплавание воспринималось занятием в высшей степени аристократичным, а этот... анфан террибл в Свете считался таким недоразумением.

Люди здравомыслящие высказывали вполне обоснованные сомнения, предполагая и предлагая настоящих пионеров авиации, отошедших в сторону по каким-то несомненно высшим соображениям. Или возможно – отодвинутых.

Наибольшей популярностью пользовались идеи жидовского заговора, но в деталях идеологии существенно расходились. Одни считали, что жида не способен придумать ничего самостоятельно, и украв изобретение, уничтожили изобретателя. Другие, более здравомыслящие, не отказывали иудейскому племени ни в образовании, ни в интеллекте, отчего вырисовывался вовсе уж иезуитской подлости заговор.

Публика более либеральная разделилась на два неравных лагеря, а потом ещё и ещё. С газетных страниц на читателя выплёскивались полемические изыски знатоков, отчего провинциалы пребывали в состоянии перманентного шока. Едва ли не каждый выпуск предлагал как минимум новые аргументы в ту или иную пользу, а порой и новую версию происходящего. Мнение обывателей менялось по несколько раз за неделю, и куда в итоге повернёт ветреная общественность, предсказывать никто не брался.

Репортажи из Южной Африки читались взахлёб, как приключенческие романы, но и воспринимались примерно с той же степенью достоверности. Едва ли человек здравомыслящий мог поверить, что вчерашние лапотники, коих было принято жалеть и самую чуточку презирать, громят с успехом войска просвещённых британцев.

Буры... это совсем другое дело! Ну вы же понимаете, мон шер!

Отдавали должное и полководческим талантам Держинского, всё ж таки шляхтич хорошего рода, а что марксист... так у каждого свои недостатки. Впрочем, среди образованной публики хватало сторонников левых взглядов, и марксистские убеждения поляка были скорее преимуществом.

Отдавая должное стойкости и неприхотливости русских добровольцев, люди просвещённые всё же полагали более верным иное соотношение потерь.

– Скрывают! – понимающе кивали просвещённые друг другу, гордые собственной проныцательностью.

– Несомненно, пароходы берут куда как больше заявленных пассажиров, – соглашались знатоки. Сходились на том, что потери русских лапотников при столкновениях с британскими войсками – два, а то и три к одному, вполне приемлемы и логичны. Возглавляй их Русские Офицеры, соотношение потерь, несомненно, было бы совсем иным.

Российские добровольцы из хороших семей, славшие письма родным и знакомым, в общем-то подтверждали эту версию. Кто из них упорно не желал замечать рушащуюся картину привычного мира, а кто целенаправленно лгал, Бог весть. Мнение в обществе сложилось устойчивое, и меняться пока не собиралось.

Яркие, интереснейшие репортажи Гиляровского зачитывались до дыр, но отдавая должное писательскому мастерству, считались произведениями скорее художественными, нежели публицистическими. Склонность к гиперболизации за Владимиром Алексеевичем водилась, да и, как полагала публика, опекун пристрастен.

Европейские газеты, недоумённой скороговоркой отдавая должное техническим талантам Панкратова, писать предпочитали о земляках. Его же считали скорее харизматичным лиде-

ром и неплохим организатором, попавшим в фавор религиозному бурскому генералитету. Этим красивым символом, персонажем скорее литературным, вроде Гавроша.

Само же изобретение летадл, успевшее обрасти самыми противоречивыми слухами, приписывалось то ли Божественному озарению, то ли, и пожалуй – скорее, найденным в библиотеке старинным чертежам. Попытки изобрести планер предпринимались ещё во времена Леонардо да Винчи, и стоит ли удивляться, что один из чертежей оказался настолько удачным, что его удалось воплотить в жизнь в полевых условиях?

Не отрицая вовсе таланты Панкротова, европейцы предпочитали считать его изобретение «не вполне настоящим». Первые восторги схлынули, и пальма первенства стала выглядеть изрядно смазанной.

Комендантское поле на время превратили в аэродром, чтобы посмотреть на первые в России авиационные соревнования. Объявленные за месяц, они необыкновенно взволновали публику, цена на места начиналась от одного рубля, и билеты эти разбирали, не доходя до кассы. В ложи стоимость мест начиналась от пятидесяти рублей, и ажиотаж был таков, что количество ссор и дуэлей чуть было не затмило сами соревнования.

Организатором выступил Великий Князь Александр Михайлович, употребивший весь свой немалый авторитет и организаторские способности. Сандро уважали не только как представителя Дома Романовых, но и как весьма дельного моряка, но даже так ему пришлось немало потрудиться.

Хлопот добавляла и погода, весьма своеобразная для Петербурга в это время года. Солнце то и дело заволакивалось рваными тучами, и с неба срывалась ледяная влага. Но тотчас почти порывы ветра разгоняли их, и снова над Петербургом лунно светило мартовское солнце. Благо ещё, что внизу ветерок был хоть и пронзительным по близости моря, но всё ж таки ровным и умеренным по силе.

По-хорошему, соревнования следовало бы перенести хотя бы на апрель, а лучше на май, но состязания такого рода прошли уже едва ли не во всех европейских столицах. Уступать же, будучи в некотором роде родоначальниками, виделось организаторам и публике решительно немислимым.

В конкурсе участвует более пятидесяти летадл самых причудливых форм. Панкратов не делал тайны из формы планера, да и сложно было сохранить её, барражируя регулярно над войсками противника.

Однако же изобретатели, судя по всему, считали прямо-таки необходимым продемонстрировать независимость мышления. Представлены как ставшие «классическими» треугольники с некоторыми дополнениями, так и весьма интересные конструкции, напоминающие то крыло летучей мыши, а то и многоэтажного воздушного змея.

На соревнования записались как энтузиасты, так и вовсе уж случайные люди, желающие толики славы и возможности попасть под благосклонное внимание Света. Признанные изобретатели, представители университета и заводов, владельцы велосипедных и швейных мастерских, художники и студент медик, инженер-железнодорожник и отставной моряк.

Призы: за короткий разбег, за дальность полёта и высоту. Отдельно, уже не от организаторов – за использование двигателей определённой фирмы, за эстетику... лишь бы взлетел!

Летадлы поднимались в небо... в основном. Случались и казусы, подчас обидные, но по большей части заведомые. Конструкция художника Миклашевского, необыкновенно живописная и напоминающая скорее фантасмагорический парусник, с фырканием и пыхтением ползала по полю и в конце концов загорелась. Потушили её не без труда, тотчас оттащив в сторону, дабы освободить аэродром для других летательных конструкций.

Большая часть конструкций всё ж таки взлетала, но не могла похвастаться хоть скольконибудь значимыми результатами. С немалым трудом вскарабкавшись в небо, творения русских

и не очень русских гениев делали один или два натужных круга над полем, после чего приземлялись, изрядно подскочив несколько раз на казалось бы ровном поле. К летателю тотчас подбегали механики и представители спонсоров, оттаскивая её с помощью моряков Гвардейского Флотского Экипажа, премного довольных пребыванием в эпицентре событий.

Неизбалованная публика реагировала с превеликим оживлением, громко ахая и обсуждая храбрецов, взмывающих в небо. Ксения Александровна с детским восторгом глядела то на парящие в небесах летателю, то переводила влюблённый взгляд на мужа, организовавшего столь необычный воздушный праздник, и ставшего, таким образом, родоначальником нового зачатия.

Сам же Александр Михайлович напряжённо следил за происходящим, отдавая распоряжения и пытаясь дирижировать этой воздушной вольницей, где от каждого первого изрядно разило сумасшедшинкой. В редкие перерыва он ловил себя на тщеславных мыслях – теперь-то Ники отдаст пост шефа авиации ему – постфактум!

Повернувшись на мгновение к супруге, он улыбнулся ей, вложив в эту улыбку всю любовь и нежность, и снова повернулся к полю.

– Конструкция инженера Левады, – несколько вразнобой стали объявлять распорядители в жестяные рупоры, пока команда Левады вытаскивала аппарат на поле. Инженер, очень импозантный в шофёрских очках и кожаном реглане, покрасовался перед фотоаппаратами и дал короткое интервью желающим, коих набралось преизрядно.

Регламент прервала экзальтированная девица, невеста зачем выбежавшая на поле и кинувшаяся к летателю. Девицу отловили с превеликим бережением, да выставили вон, вручив дюжему полицейскому унтеру, только выдохнувшему резко при виде барышни.

Короткий взлёт на высоту чуть ли не полусотни сажен, круг над полем... а потом звук взрыва и вспышка! Опасно накренившись, аппарат Левады пошёл на посадку, едва ли не в последний момент миновав трибуны.

Великий Князь, наблюдавший за сим с превеликим для публики хладнокровием, разом взмок, мысленно вознося хвалу Богу за то, что отговорил Ники идти на это мероприятие...

– Жив! – выдохнул он вместе со всеми, наблюдая за суетой медиков на месте аварийной посадки.

... а если бы не отвернул?! Стечение обстоятельств, а быть может, и желание войти в Историю пусть даже и овечьим дурной славой цареубийцы, и всё... Какая катастрофа была бы для России!

На поле тем временем сустились фотоаппараты и репортёры, почуяв поживу. Ах, как непросто было получить аккредитацию на столь яркое мероприятие! Вспышки фотоаппаратов, интервью...

Пострадавшего героя унесли, равно как и его аппарат его конструкции. Александр Михайлович вытащил блокнот и сделал пометку о Леваде. Человек явно дельный, да и планер его конструкции вёл себя лучше многих. А что с мотором неприятности, так тут не его вина, а заводчиков!

На Комендантское поле выкатили новый летательный аппарат, при каждом движении заметно покачивающимся всеми своими шестью крыльями. Распорядителя взяли объявлять пилота, а один из гвардейцев, спохватившись чем-то, рысью убежал с поля.

– Барограф¹¹ у Левады забыли второпях, – минуту спустя доложил адъютант.

¹¹ Барограф – (от греч. *baros* – тяжесть, вес и *grapho* – пишу) самопишущий прибор для непрерывной записи атмосферного давления. Применяется на метеорологических станциях... В том числе регистрирует высоту.

– ... конструкции инженер-полковника Фёдорова¹², – объявляли тем временем распорядители, и чуть погода самолёт взлетал, мотыльково колыхая крылами. Сделав успешно круг, аппарат начал по спирали набирать высоту.

– Куда... – одними губами шептал инженер, не мигаючи глядя в небо, – куда полез... уговаривались же на круг! Сырой ещё аппарат...

Публика, не отрываясь, следила за поднимающейся в небо летадлой, взобравшимся на явно рекордную высоту. Вдруг, на высоте около двухсот метров, машина покачнулась опасно под резким порывом ветра. Пилот начал снижение...

– Ах! – единым организмом застонала публика, глядя на аппарат, разваливающийся на части прямо в воздухе. Было отчётливо видно кувыркавшиеся на воздушных отломанные крылья, с гулом падающий мотор и саму человеческую фигурку, метеором летевшую к земле.

Глухой удар мотора о землю... и тотчас почти – навзничь упавшая человеческая фигурка, врезавшаяся в сырое Комендантское поле. Следом на поле посыпались обломки летадлы, часть из которых упала на публику. Всё это продолжалось менее чем полминуты, но такого накала эмоций не упомнят, пожалуй, и бывшие в сражениях военные!

К телу лётчика уже бежали медики с носилками, выбежавшие едва ли не ранее, чем произошла катастрофа. Двуколка Красного Креста зашепила по колдобинам, спеша убрать с поля тело, дабы не смущать покой собравшихся.

Погрузив тело на двуколку, медики поспешили оказать помощь пострадавшей публике, и слава Богу – все оказались живы!

– Живы, живы... – прошла по рядам волна облегчения, и тотчас почти следующая – люди не пострадали, всего-то мастеровщина!

– Что же ты... – шептал разом постаревший инженер-полковник, не замечая накинувшихся на него репортёров и вспышек фотоаппаратов.

После короткого перерыва полёты возобновились, и два часа спустя публика расходилась довольная, обсуждая соревнования, ставшие, по мнению большинства, главным событием марта. Разумеется, не считая приёмов Двора!

Находились и маргиналы, ставящие на первое место воздушный праздник, но право слово, когда это приличных людей интересовало мнение плебса?! Если человек не допущен ко Двору, то не вправе и рассуждать о высоких материях!

Однако все без исключения соглашались – событие безусловно выдающееся! Этаким... воздушный Колизеум. Захватывающее зрелище, пролившаяся на арену кровь, и немалые деньги, вручённые призёрам организаторами и спонсорами. Воистину, *Varietas delectat*¹³!

¹² Евгений Степанович Фёдоров – русский изобретатель в области воздухоплавания и авиации, председатель 7-го (воздухоплавательного) отдела Императорского русского технического общества. В реальной истории сконструировал самолёт пятиплан с бензиновым движком, который летал, только влекомый автомобилем. Автор ряда работ по воздухоплаванию, в частности по вопросам аэродинамики и теории летания.

¹³ Разнообразие доставляет удовольствие!

Седьмая глава

С нескрываемым облегчением отложив в сторону письмо, присыпал его мелким песком, дабы поскорее высохли дрянные чернила, которые только и удалось достать, и разминаю натруженную руку.

– Мы писали, мы писали, наши пальчики устали, – вылезает откуда-то из подсознания. Отдохнув чуток, запечатываю конверт, подписывая адрес и наклеивая марки.

Сувенирчик... покопавшись, выбрал миниатюрные шахматы негритянской работы, вырезанные с большим искусством из полудрагоценных камней. Среди местных встречаются настоящие мастера, даже и удивительно! Глянешь иной раз на полудикую физиономию и все эти дикарские украшения, и кажется, што и искусство у него такое же первобытное, примитивное.

Ан нет! Столь тонкий художественный вкус, такие самобытные таланты встречаются, што только тогда и понимаешь, што пусть они не вполне цивилизованны, но вполне культурны!

– Опять пишешь? – захмыкал подошедший Санька, примостив зад в испачканных машинным маслом штанах на брёвнышко у входа в наш домик.

– Всё пишешь и пишешь... – зазудел он докучливо, перекидывая в руках карты. Никак выучил новый трюк, и опять ему неймётся переиграть меня по шулерским правилам. Такая себе зуда с самоподзаводом выходит в такие минуты, што ой!

Пока не проиграет в очередной раз, не успокоится. И всё никак не поймёт, што в картах главное всё ж таки не трюки, а голова, которой нужно думать как бы не посерьёзней, чем в шахматах.

– И тебе не мешало бы, – перетянув бандероль, отвечаю ему, – мы с тобой списки вместе составляли, никак запомнил? Кому открыточку с мелким сувенирчиком, кому без того, а кому и письмо, да с подарком.

– Пф...

– Садись давай! – во мне проснулись разом командир и педагог, и брат, завздохав, прошёл в дом за своим списком. Недовольно вздыхая, он завозил пальцем по строкам, выбирая адресата.

– Саня... выключи с морды лица недовольное выражение, оно тебе не красит! Мы таки здесь и сейчас на взлёте славы и популярности, и люди ждут от нас минуточку внимания к себе!

– Опять ты напополам с идишем начал! – засмеялся брат, чуть сдвигая на потный затылок широкополую шляпу.

– Начнёшь с тобой! Говорено-обговорено русским по белому, а вот опять! Контакты с не самыми плохими людьми поддерживать не только можно, но и должно! Открыточка здесь и сейчас будет человеку приятна – не забыли его, не испортили нас медные трубы!

– Да-да-да... – скорчил он моську, ровно и не грозный боец, от одного имени которого британцы удваивают посты, а обезьянка в зоопарке, – письма и сувениры сейчас, когда мы в зените славы, дают нам возможность выстроить фундамент взаимоотношений... как там дальше?

– Ты што, наизусть учил? Во балбес! Пиши давай! У тебя этих контактов на раз-два...

– Скажешь тоже! – взвился он, – в одно только Училище почти три десятка писем писать, да всем соученикам хотя бы фотографию нашу подписанную! Мы у самолёта, да мы у подстреленного слона... тьфу!

– Балда! У меня в одну только Палестину полторы сотни писем писать, так-то! И не на русском, а всё больше на арабском, да на иврите с греческим.

– Ф-фу... – сдулся брат.

– Вот тебе и фу! – надулся уже я, – А как ты думал, дела вести? Каждому племенному вождю, да непременно писаное собственной рукой, да с фотографиями, и непременно раз-

ными, да с подарками – тоже штоб и близко не повторялись! И никак иначе. Если я хочу держать те земли – так вот!

Жмякаю пальцами, будто удерживая вожжи от тройки, на што Санька только головой качает. Почему... сам толком не знаю. Может просто потому, што могу?

Влез удачно в дела Палестинские, да как-то оно так и покатилося. Земли там пусть и нищие, но библейские! Политические, экономические и религиозные интересы держав европейских и азиатских переплетаются там причудливейшим клубком.

Потянув порой за нужную ниточку не самого значимого племенного вождя или уважаемого раввина, можно дотянуться до интересантов в Европе, хоть даже и коронованного! В теории, разумеется... пока в теории.

Вот и пишу – в Палестину, да в Османскую империю, да в Одессу, в Москву. Всем из хороших и нужных людей, до кого только могу достучаться. Мно-ого кому писать надобно. Ежели даже и открыточки считать, то побольше пятисот адресатов будет, включая персонажей чуть ли не случайных в моей жизни.

Тяжко... благо, не в один день писать, а по десятку-другому писем в те дни, когда выдаётся свободное время. Ну и фотографии подписать с наилучшими пожеланиями, не без этого.

Пока всё больше с дальним прицелом, ну а в Палестине и с настоящим. Лев Лазаревич пишет за большой восторг от нашего с ним бизнеса! Арабы, они же падки на всё громкое и блестящее, а тут такой весь блестящий я!

Лестно им письмецо с подарком от «Небесного воина» получить, из кожи потом выворачиваются, штобы какие-никакие совместные дела с «дорогим другом» вести. Не сразу и не быстро, но такая себе сеть торговая выстраивается, шо дядя Фима нервно обмахивается пачкой шекелей и начинает завидовать! Всё на всё меняется и продаётся.

Москва с Одессой и Туреччина, оно не так ярко, но тоже – фундамент. Так мыслю, што если сейчас не поленюсь с писульками, то потом смогу при нужде какой обратится. Не факт, што ответ будет да и с улыбкой, но шанс на это сильно повышается.

Здесь и сейчас обо мне пишут, и вот ей-ей, не верю, што хоть кто-то из адресатов не удержится, хвастаясь! Кто как бы невзначай, а кто и всех соседей обойдёт. Кому – славы чужой кусочек урвать, а босякам с Пересыпи, Молдаванки или Трубных проулков – ещё и статус!

Ну и в обратную... благие пожелания в основном, денег мало кто просит, хотя и так бывает. Даю, чего уж... я всех знаю, кому пишу, чай не на пропой. Кому долги за доктора заплатить, кому за учёбу детям – всё такое, всерьёз, без игрушечек. Не самые большие для меня деньги, даже и неудобно выходит иногда.

А бывает, што и выспрашивают: как там в Африке, да можно ли здесь пристроиться. Што ж нельзя-то? Человеку с руками, да с головой, здесь раздолье!

Хоть даже и вдовица немолодая с полудужиной ребятишек, а примут ещё пуще, чем мастеровитого мужика! Баб здесь, окромя черных, до того мало, што на цветных женятся, и за счастье то считают!

А тут румяная да дебелая, русоволосая и светлоглазая... ух! И свободная, а?! Местные, пусть даже и сто раз не русские, сразу глаза с поволокой делают, да компас в штанах на ближайшую церкву указывает, с жениховством то.

Бурские бабы, они так-то красивые, хотя подчас очень уж здоровы. Но мало их, и всё промеж своих разбираются. А остальные, которые из гриква да бастеров, они вроде как ничего себе бывают, но не каждому по нраву с такой чернявой в постели ерохаться. Детишек клепать, так тем более.

Всех зову! Чем больше тут своих да наших, тем легче хоть им, хоть мне. Они не на пустое место едут, да и мне при случае будет на кого опереться. Не знаю пока толком, для чего, но пишу, отвечаю, устраиваю приезжающих...

– ... Егор... Егорка!

– А?!

– Заснул, што ли? Гля, я тут письма написал, фотографии подписал, давай с подарками помоги.

– Да бери любой! – махнул я рукой на ящики, в коих едва ли не навалом свалена африканская экзотика – от шахмат с местными особенностями, до колдунских масок и оружия. Я как начал собирать – для подарков, да для торговлишки, так и потащили! Вроде как расположение выказывают, даже и неудобственно иногда бывает.

– Да понятно всё, – отмахнулся брат, – голова просто не работает, кому какой лучше!

– А... ну давай.

– Пашка Храмцов с Пересыпи, – зачитал Санька адрес.

– Это тот, который рожи всё время обезьянит? Маску! В том ящике поройся, там они самые страховидные! Ему приятно, што вспомнили, а дружки и соседи посмеются заодно, тоже память!

– Ага... – он быстро нашё искомое, а я понял, што на севодня с писаниной – всё! Надоело. Помог брату выбрать подарки, да сели играть в карты, поглядывая на часы. Чиж постоянно почти проигрывал, а когда нет, то только по моему снисхождению, штоб только не злился.

– Всё, – защёлкнув крышку «Брегета», подымаюсь с бревна, – время!

Без всякой дурашливости переодеваемся в парадное, и взгромоздив задницы на велосипеды, едем к ангару. Техники уже здесь, выкатывают «Рароги¹⁴», начиная подготовку к полётам. Волнуются как бы не больше пилотов, работающих с ними бок о бок.

Проверка двигателей на холостом ходу, уровень горючего, масла... Снова и снова – деревянные и тканевые части бипланов, ощупывая и осматривая каждый дюйм.

Не впусте такой регламент родился, не от великой моей дури и даже не от осторожности. Ловили уже, ети их мать! То шпионы, то просто любопытные разной степени подозрительности. И дураков хватает, не без этого: пару раз уже на память что-нибудь отковыривали – благо, вовремя заметили. Сувенирчики, а!?

Бомбы загружали осторожно, едва дыша. Вроде как и нет опасности случайно детонации, но... бережённому Бог бережёт!

Наконец прибыл запыхавшийся Жан-Жак, задыхающийся скорее от волнения, чем от тяжести фотоаппарата, и Владимир Алексеевич с раздувающимися от возбуждения усами.

– Эк... – крикнул опекун досадливо, – не застал подготовку... Ну да ладно!

Чуть погода подоспело бурское командование – все, кто только был в настоящее время на границе Капской колонии, готовя наступление. Разом стало многолюдно и почему-то тревожно, будто только сейчас понял, што это – по-настоящему!

Выстроившись в ряд у бипланов, сфотографировались всем отрядом, не делясь на пилотов, механиков и охрану. Потом ещё, ещё...

– Ну... – вглядываясь в лица, иду вдоль строя. Чиж, Военгский, Ивашкевич, Кучера, Шульц, Тома, Морель – из старичков. Стоят, развернув уверенно плечи, глаза жесткие, стальные независимо от цвета.

Корнелиус Борст, Ван Эйке – эти нервничают немного, дышат будто через силу, но... вытянут. Перевожу взгляд на опекуна и Жан-Жака – не передумали? Нет, только подтянулись разом... Што ж...

– По машинам!

В кабины взбирались без дурной лихости, по лесенкам. Уселись, пристегнулись, и механики начали раскручивать пропеллеры. Один за другим, «Рароги» пошли на взлёт, делая на прифронтовой полосой широкий зигзаг, дабы воодушевить войска.

¹⁴ Рарог – в славянской мифологии огненный дух, связанный с культом очага. Рарога представляли в образе птицы или дракона с искрящимся телом, пламенеющими волосами и сиянием, вырывающимся изо рта, а также в виде огненного вихря.

Гиляровский возится сзади, снимая происходящее на фотоаппарат и экспериментальную кинокамеру от братьев Люмьер. Как уж там она будет работать в таких условиях, Бог весть, но генералитет наш необыкновенно воодушевился возможности снять небесную фильму, и я взял под козырёк. Благо, большой переделки летадлы не требовали, всей работы на пару часов.

– Красотища! – заорал сзади дядя Гиляй, когда мы залетели на нейтральную территорию, где не надо было никого и ничего снимать, – Второй раз лечу, и никак не налюбуюсь! Эскадра, а?! Силища!

Несколько минут полёта, и я, качнув крылами, веду воздушный флот по дуге, поглядывая вниз и сверяясь с картой. Согласно данным разведки, в одном из ущелий скопилась британская конница, сформированная преимущественно из числа местных добровольцев английского происхождения. Вроде как отвели туда на отдых и переформирование, ну да будет им сейчас отдых...

Чуть снижаясь, качаю крылами и оглядываюсь. Дядя Гиляй приткнулся к аппаратуре, лихо-рабочно снимая панику на земле. Корнелиус, мой ведомый, открывает бомболюк, и на британцев сыплется с неба Смерть!

Следом за ним по одному проходят все пилоты соединения, и внизу воцаряется паника. Высота слишком большая для того, чтобы разглядеть детали, и пожалуй, это к лучшему!

Сглатываю подступивший к горлу комок и делаю круг над ущельем, дабы оператор заснял всё получше. За мной повторяет Санька, несущий Жан-Жака. Разворот... идём домой, вскоре я сажаю летадлу на тщательно выровненное поле.

Прокатившись чуть-чуть, аппарат останавливается, и дикая усталость наваливается на меня. Нервы, чтоб их... Не в силах встать, сижу так, пока пропеллер перестает крутиться. Щёлкаю крышкой часов... меньше часа на всё про всё, включая фотографирование.

– Сколько же сегодня было установлено рекордов?! – жму плечами на вопрос Жан-Жака, и почему-то отчаянно хочется курить. И выпить. И бабу...

А ещё – тошно немного, потому как я хотел ну вот ни разу не такого, а просто – летать. Но так уж вышло...

Встряхнувшись, встаю с парусинового креслица, и вот ей-ей, даже и не упомяну, как на него уселся! Загнав меринхлюдию в глубинное подсознательное, вспоминаю свои обязанности командира и иду докладывать о полёте.

Хрусть! Кажется, это были мои рёбра... Сниман всё ж таки здоровущий мужик! А потом ещё раз – хрусть! Рот открыть я так и не успел...

... а потом мы смотрели фильмы о полёте и бомбардировке. В огромный затемнённый ангар люди набились так, что сложно было дышать. Затаив дыхание, мы смотрели на прыгающие черно-белые кадры, на землю с высоты птичьего полёта и на убиваемых британцев.

... дважды. Сперва – отснятое дядей Гиляем, а потом – Жан-Жаком – с неизбывным интересом.

Два часа спустя мы снова идём на взлёт. А потом ещё, ещё... Британцы выдержали два дня бомбёжек, седьмого апреля начав отводить войска от границы.

Восьмая глава

Армия де Вета взломала границы Капской колонии, и буры хлынули полноводной рекой, затопив окрестности. В седло, кажется, сели и старые и малые, по домам остались только женщины, детишки, и вовсе уж древние старцы, не способные самостоятельно вскарабкаться на коня и удержать винтовку в дрожащих руках.

В авангарде, заворачивая постепенно на Запад, пошла кавалерия Дзержинского с приданными ему силами буров. Не ввязываясь в сражения, они кружили вокруг британцев, нарушая коммуникации, не давая им соединиться и хоть как-то координировать свои действия.

В небе постоянно висели летадлы, и стоило только британцам собраться в единый кулак или выстроиться в походную колонну, как сверху сыпались бомбы и флешетты¹⁵, убивая и калеча лошадей и личный состав. Помимо флешетт, сбрасывались сверху и поистине дьявольские изобретения Кошчельного: особым образом обработанные металлические детали, воющие в полёте воистину inferнальным образом. Лошади отчаянно пугались этого воя, и приходилось долго успокаивать их, собирая по вельду.

Несколько погодя налёт повторялся – когда с флешеттами и бомбами, а когда и с одними только «дьявольскими свистками» Кошчельного. Далее следовала атака наведённых летадлами буров, знающих едва ли не досконально расположение и численность врага. Деморализованные англичане, держась порой с большим мужеством, оказать хоть сколько-нибудь организованное сопротивление были уже не в силах.

Де Вет с основными силами громил разрозненные отряды врага по частям, вступая в бой только при значительном численном и тактическом преимуществе. Лишённые какой-либо связи, британские войска и части ополчения Капской колонии сражались отчаянно, но положение их с каждым днём выглядело всё более безнадёжным.

Сниман тем временем осадил Кимберли, разом блокировав руководство Капской колонии и добрую треть кадровых британских военных. С миномётами Кошчельного и европейскими консультантами при штабах, осада эта не выглядела занятием безнадёжным и хоть сколько-нибудь длительным.

Луис Бота двинулся на Порт-Элизабет, не встречая значительного сопротивления и не ввязываясь в осады. Эти земли буры не рассчитывали удержать даже в самых смелых своих мечтаниях, и потому действовали самыми варварскими методами, уничтожая вражескую экономику. Не довольствуясь подрывом шахт и уничтожением заводов, буры с мелочной мстительностью выводили из строя железные дороги, разводя костры на стыках рельс. Жгли фермы, резали и угоняли скот, потянувшийся на Север огромными стадами. Война всё больше и больше начинала походить на набег варварских племён в предместья Рима.

Капских буров, оставшихся верными британскому правительству, почти не трогали, руководствуясь то ли родственными чувствами, то ли какой-то иезуитской логикой. Чем аукнется такая политика, Бог весть, но зёрна сомнений и обид Бота посеял знатные.

* * *

– Здесь, – Феликс обвёл карандашом район со стороны Северо-Северо-Запада от Кимберли, – дислоцируются британские войска, вытесненные Сниманом при начале осады.

¹⁵ Флешётта – металлическая стрела-дротик размером с карандаш; особый тип авиационного оружия, разработанный в начале XX века и применявшийся ВВС противоборствующих сторон.

– Около... – он поморщился, растирая бедро и сел, опираясь тяжело на костыль, – батальона, согласно предварительным данным, но могли пристать и разрозненные подразделения, подсчёт которых почти невозможен.

В усталом голосе звучит досада. Для человека, привыкшего к маневренной войне и опирающегося на самую активную разведку, все эти «около» звучат личным оскорблением. Но увы, не всегда бывает так, как хочется нам.

– Хуже всего, – выдыхает он, чуть ссутулившись, – что в тех местах, помимо войск и ополчения, присутствуют и отряды из личной армии Родса. Щуку съели, да зубы целы, н-да... Бойцы там отменные, штучной выделки, и если такие ударят вовремя в тыл, могут наворотить немало дел.

– Угу... – я склонился над картой, пытаюсь соотнести её с уже виденным, но получалось так себе. Котяра, без лишних церемоний плюхнувшись рядом, разложил кроки с пометками высот, ущелий и тому подобных нужностей, слишком небрежно намеченных на излишне масштабной карте.

Слушая его, делаю пометки в попытке сообразить – где же может пройти достаточно крупный отряд, и как мне составить полётную карту, дабы не блуждать лишнее. Наконец, что-то начало вырисовываться в голове и на бумаге.

– Вот как-то так, – показал свои наброски Дзержинскому, – если верить картам, то они не могут миновать эти точки.

– Если, – снова вздохнул Феликс, ухватив в кулак донкихотовскую бородку.

– Угум... обещать ничего не могу, если только проглядеть сверху – нет ли их поблизости от Кимберли.

– И то хлеб, – согласился фехт-генерал, кивая вестовому, чтоб приоткрыл полог штабной палатки. Тоже ведь... казус с его генеральством. Полторы тысячи руснацких сабель в бой водит, а всё командер! Политика, чтоб её. Верхушка местная к марксизму настороженно относится, н-да... Звание генеральское Дзержинскому присвоили, когда совсем неудобно стало, и ропот в войсках пошёл.

– Да! Пока не забыл, – повернулся я к возмужавшему Коту, изрядно ушедшему в рост, – не в службу – передай моим, пусть устанавливают фотоаппарат.

– Флешетты возмёмшь? – поинтересовался друг, не одевая пока шляпу.

– А... пожалуй што, и нет. Горючего лучше под завязку, хочу охватить как можно больший район, заодно и какая-никакая, а картография. Пугалочек разве только пусть кинут в кабину пару десятков, может и пригодятся.

Обговорив ещё раз со штабными примерный район полётов, дабы в случае чего знали, где искать, пошёл мыться. Плещась под самодельным душем и морщась от собственной вонючести, яростно отдирает кожу намыленной мочалкой.

Блицкриг, оно канешно здорово с точки зрения военной, но толком ни помыться, ни пожрать, ни... хм, поспать. Всё на бегу, всё галопом, да с выпученными глазами. Всем тяжело, а авангарду, разведке и логистам особенно.

– Пообедаешь с нами? – предложил Котяра, подавая полотенце.

– Давай, – яростно растираюсь чистой тканью, – Только знаешь... без этих штоб... без лекций! В прошлый раз ложку в рот положить толком не дали.

– Я уже... – смущённый Котяра показал сжатый кулак, – выговор сделал и предупредил. Ши, а?! По-нашему, с говядиной!

– Ши... – в животе предвкушающе квакнуло. У буров всё больше мясо с мясом, а если официализина какая-то, то изыски европейские. Оно вроде как и вкусно, но непривычное брюхо потом частенько бурчит, до конфузов иной раз доходит.

Поднявшись в воздух, сделал круг над Кимберли – по настоянию Снимана, ага! Летадлы мои не успели ещё приесться в войсках, и буров чрезвычайно воодушевляет видеть то, што есть у нас, но нету у врагов. Вроде как пролетел, помахал крылами, и сразу боевой дух вырос в разы. Хером, ага...

Свераясь с картой и раздражённо находя всё больше и больше ошибок, лечу, делая поминутно пометки. Благо, руль можно застопорить, пусть и ненадолго. Воздушные потоки для моей этажерки вполне чувствительны, постоянно корректировать приходится.

Получасом позже начинаю опасливо поглядывать на небо, где явственно собирается гроза. В горах это особенно опасно, а мне тем паче. Ёбнет молонья, и прости-прощай, белый свет, только комок огненный вниз полетит.

Всматриваясь вниз до рези в глазах, ищу подходящую площадку. А вот и она: ущелистая долина, поросшая по краям обильной растительностью.

Нос чуть вниз, и проваливаюсь мягко, с тревогой ощущая порывы ветра всеми своими крылами. Захожу на...

...выстрел! А потом ещё, ещё и ещё! Небольшой отряд из четверых мужчин при десятке лошадей ведёт яростную стрельбу, находясь аккуратно на моём пути.

Рули вверх...

...но нисходящий поток воздуха с силой прижимает меня вниз с такой силой, што вся конструкция застонала жалобно. Резко снижаюсь, едва успеваю удержать управление.

Ветер давит, и я с вытаращенными глазами и застрявшим в глотке матом, в пологом пике иду фактически на таран! Лошади разбегаются, да и людям как-то не до стрельбы!

Едва ли не в последний момент успеваю вытянуть рули на себя, пройдя чуть ли не по макушкам обстрелявших меня людей. Дальше лечу низом, опасаясь подняться над долиной. Там, наверху, уже рокошет гроза и сверкают молнии.

Продырявленное пулей крыло разлохмачивается на глазах, и я с превеликим трудом удерживаю летадлу, стремясь уйти как можно дальше. Несколько минут, и не в силах более держать аппарат в равновесии, нахожу относительно ровную площадку и сажусь, как по учебникам.

Пробежка с подпрыжками, и... стойка шасси подламывается, я крепко врезаюсь бедром в ограждение кабины, ломая его и вылетая на каменистую землю.

– Ах ты жё... – несколько минут ругаюсь в голос, собирая в кучу весь свой страх и боль, и только затем беру себя в руки. Встав не без труда, скидаю амуницию с исподним, и со свистом втягиваю воздух. По бедру будто врезали окорённым бревном – ссажена кожа до самого мяса, и хорошо ещё, што нога не сломана... кажется.

С осознанием приходит ещё большая боль и желание упасть, ничего не делать, ждать... хоть кого-нибудь! Приходят мысли о плене, и некоторое время я вполне серьёзно рассматриваю этот вариант.

А што? Награду за меня сулят немалую, притом не только Величество, но и всякие там... спонсоры.

Потом приходит понимание, што почётный плен – сильно не факт! Скорее – объявление меня военным преступником со всеми вытекающими. Или как вариант – сразу вздёрнут, на месте. Для очень и очень многих я олицетворение врага. Разведка, бомбы, флешетты...

Желание жить заставило шевелиться, и я захромал к ледатле.

«– Хм... а почему, собственно, к летаdle? Правильно же – самолёт или аэроплан!»

Выкидываю из головы неуместные мысли, вытаскиваю из кабины всё нужное. Промыв рану крепченным ромом, щедро намазюкал мазью из аптечки и перевязал. Вроде как... пусть нет пока полной уверенности, но рана не столь опасная, как показалось в начале. Болезненная, и даже более чем, но кожа скорее содрана скользом, чем продавлена. В противном случае, даже не потеряй я сознание от боли, ходить бы просто не смог.

Более серьёзных ран у меня нет, если не считать отбитого ливера, но ободран так, будто пытался отнять котят у дикой кошки. Промыв раны, поглядывая поминутно вверх, где в небе разворачивается вовсе уж inferнальная картина, спешу одеться и забрать из летадлы всё нужное.

– Н-да... покачив в руках деревянную кобуру маузера, разбитую скорее пулей, достаю пистолет, и...

– С-суки... – шиплю я совершенно по гадючьи! Ствол погнут и немножко смят, – ёб...

В последний момент удерживаю себя от истерики и начинаю спешно перетаскивать вещи повыше метров на двадцать, в длинную горизонтальную расщелину, узкую и неглубокую. С неба уже льётся вода, и я опасливо ожидаю ревущие буруны, в кои за считанные минуты может превратиться почти пересохший ручеёк на дне долины, то и дело пропадающий среди камней.

Сделав пару ходок, напоследок полусаблей нарубаю веток под жопу, и на этом всё. Следующие пару часов я провожу крайне неинтересно, забившись поглубже в расщелину, куда то и дело влетают порывы ветра пополам с водой. Сидеть так холодно, сыро и скучно, но утешаю себя мыслью, што снаружи ещё хуже. Утешается плохо, но снаружи и в самом деле отвратно. Мимо проносятся потоки грязной воды с ветками и камнями, а то и мелкими животными в бурлящих потоках.

Пару часов спустя дождь утихает и я осторожно выглядываю вниз. Ну... бывало и хуже! Внизу не то штобы безмятежные лазурные воды, но и не бурление говн. Так, средней руки горная речушка, разве што склоны сейчас вовсе уж склизкие. Глинисто-каменистые почвы, да подмоченные водой со всей щедростью природы – ни убавить, ни прибавить.

Отчаянно бьёт нетерпёжка, но останавливаю себя тем, што не с моей ногой лазать по таким говнам. Дабы успокоить нервы, сжираю шоколадку и обсасываю вяленое мясо, необыкновенно вкусное, и совершенно немилосердно солёное и перчёное.

Стрелки всё время лезут в голову, и хотя я понимаю, што шли они к выходу из ущелья, а никак не вглубь, утешается плохо. Будь то хотя бы оружие... хотя даже пистолет-карабин «Маузера» никак не вундерваффе в здешних краях. Н-да... сам дурак.

Чуть подсохло, и спускаюсь вниз, то и дело оскальзываясь. Вырубил себе посох, и дело пошло легче. Доковылял до самолёта и осмотрел, што же там за повреждения.

Стойку шасси поменять несложно – благо, в багаже есть топорик. Вот же, а? Топорик есть, а винтовку... сам дурак, действительно.

Двигатель... двигатель захлебнулся водой, но в принципе, решаемо. А вот крыло... обойдя, покачал его... тоже решаемо, нужна только ткань. Расчистить площадку за пару дней смогу, даже с учётом ноги, а там и доковыляю – на одном крыле.

Пока искал стойку для шасси, вырубил заодно и нормальный посох – не железное дерево, но сойдёт. Вырубил, и не успокоился, пока не примотал к посоху полусаблю ремнями от портупей, будто подгонял кто.

Вот же ж! Голым себя без оружия чувствую, и хотя против винтовок с моим копьём толку никакого, а всё легче.

Чуть погода сделал ещё дротик из невесть как завалившейся в кабине флешетты. С некоторым сомнением покачал его в руке, придерживая пальцем за верёвочную петлю.

Здравый смысл во мне начал бессмысленную борьбу, вынуждая принять решение из двух заведомо худших. Одна его часть приказывала бежать как можно дальше, опасаясь закономерного враждебных стрелков...

... и она быстро победила. Опираясь на копьё, я захромал прочь от летадлы, отмахнувшись от голоса разума, призывавшего хотя бы привести двигатель в полную негодность. «Рарога» было просто жалко, будто живое существо...

Влажная земля, прогревшись под солнечными лучами, сильно парит, на свет божий вылезли многочисленные насекомые. Растения попёрли в рост чуть ли не глазах, а настроение – ровно наоборот.

Не успел я отойти на пару вёрст, как нога разболелась, и я начал искать ночлег. Настроение окончательно испортилось, и в голову полезла всякая херота, навроде партизанской войны с этими чортовыми стрелками.

Сверху осыпалось несколько камней, я вздёрнул голову...

– Сука... – в горле застрял вязкий ком, и я, выставив вперёд копьё, начал пятиться от льва. Старый, основательно истощавший и потрёпанный жизнью, выглядел он не самым желанным трофеем, но...

... мне хватит.

Удерживая левой рукой копьё и дротик, правой отчаянно шарю по карманам, лапаю амуницию в тщетной надежде на... хоть што-нибудь! Хлоп по боку... пусто. По карману, по груди... сгрёб машинально командирский свисток и прикусил губами.

Лев, оскальзываясь на осыпающихся камнях и на глинистой почве, спешил неловко ко мне. Вот он уже подбирается для прыжка...

... и свист! Заполошный, отчаянный! Хищника будто дёрнули в воздухе за задние лапы, и он осел мешком. Тут же – дротик, н-на! Флешетта, к превеликому моему отчаянию, вонзилась не в бок, куда я целил, а в лапу.

Отчаяние тотчас переросло в ярость, и я приготовился драться так, чтобы стать последним обедом для этой твари! Будто почуяв што-то, лев чуть помедлил, но голод и боль гнали его вперёд.

Подобравшись, он бросился было вперёд, и почти тотчас оступился, скомкав атаку от боли в раненой конечности. Лапы его заскользили по влажной глине, и внезапно целый пласт почвы с шорохом поехал вниз.

Напрягая все силы, отпрыгивая в сторону, и тычу копьём в бок престарелого хищника, растопырившегося совершеннейшей кошкой на льду. Раз, да второй... попал удачно, и навалился всем весом, вгоняя лезвие как можно глубже, перерезая и протыкая львиное брюхо. Мной овладела злая ярость, и кажется, я даже рычал диким зверем.

Дёрнувшись несколько раз совершенно отчаянно, лев было выбил копьё из моих рук, но я тут же ухватился за корявое, даже не ошкуренное древко. По львиному телу пробежала судорога, и старый хищник затих. Я почувствовал, как вытекала его жизнь.

Постояв так минуту, выдернул копьё и отошёл чуть в сторонку. Сев на сырую корягу, полусгнившую и вывороченную из земли прошедшим ливнем, я бездумно уставился на мёртвого хищника, глядя на вытекающую кровь и вдыхая запах скотобойни.

– Однако... – я встал, опираясь на копьё и стараясь не ступать на болевшую ногу. Мыслей никаких – ни возвышенных, ни низменных, одна сплошная звенящая пустота в голове и слабость в конечностях.

Девятая глава

В себя я пришёл, когда ободранная туша багровела бесстыдно распоротым брюхом, а снятую по всем правилам шкуру, вместе с башкой и когтищами, я начал сворачивать конвертиком. Уставившись на окровавленные по локоть руки, перевёл взгляд на вонючее мясо, по которому уже ползали какие-то насекомые, личинки и мелкие зверьки, и сплюнул тягуче на землю.

– Твою же... и вот на хрена? Оно канешно... тьфу ты ж... и зачем? Пф...

Пнув задумчиво шкуру и оттащив её чуть поодаль, пошел отмываться в хиреющем на глазах ручейке. Вроде как выкинуть жалко, тем более што и трофей вполне себе стоящий. Однако же и тащить его через горы никаких сил не хватит, да и завоняет скоро.

Разобрав самодельное копьё и отмыв его от крови, заново примотал полусаблю к древку, каким-то чудом даже не повреждённому. С некоторым трудом привёл мысли в порядок, пытаюсь выстроить хронологию недавних событий.

Пролетел я после обстрела... да пожалуй, што и порядочно! Вёрст за десять ручаться можно уверенно, а как бы даже и не все пятнадцать... хотя не... вряд ли! Но и так немало. Даже и с калечным крылом летадла моя ничуть не медленней лошади в галопе, а летел я после обстрела минут с десятка, плюс-минус.

– Стал быть, – приободрил я себя, – можно и не ожидать стрелков этих чортовых вот прям сейчас? И то! Дождь этот ещё... тудым-судым...

Глянув на катившееся к закату солнце и сверившись с часами, я и вовсе ободрился. Сразу после дождя выступить в путь они никак не могли, а если и решили преследовать меня, то это два... пусть даже три часа до заката! А ещё время нужно на разбивку лагеря и такое всё прочее... нет, никак не раньше утра! По ночам по Африке не ходят, дурных нет!

Жизнь заиграла новыми красками, и голова взорвалась фейерверками идей. В основном всё тех же – партизанских, с копаньем ям на предполагаемом пути предполагаемых преследователей, да втыкиваньем туда заострённых колышков.

– Была бы ещё ткань на кры... – я перевёл взгляд на львиную шкуру и заморозился, – да ну... бред!

– Хотя... – вспомнив, как я вполне успешно летал на ничуть не специализированной ткани, а вполне себе палаточной, и вполне себе долго. А тут все-то взлететь и долететь! Хм...

– Крениться будет... а с другой стороны-то – стоечка! А?! Кондовая, чуть не из бревна! Да и запас мощности у мотора – вполне, можно и поиграть с центровкой аппарата.

Вскочив в возбуждении, я зашипел от боли в ноге, но на радостях даже не озлился. В голове начал вырисовываться вполне себе рабочий план.

– Значица... – прервав сам себя, я подхватил львиную шкуру и поспешил к летадле. По дороге обдумаю!

На ходу в голове начала выкристаллизовываться небезынтересная идея, которую я частично озвучивал вслух.

– Сперва лагерь устроить чутка поодаль... – пыхтел я, стараясь не обращать внимание на ноющую боль в ноге, – штоб если што – можно было затихариться, и нет меня! Морды там, вот ей-ей – британские! Местные, кто хоть чутка обжился, иначе одеваются и повадки другие. Эти небось не африканеры, которые самую малость похуже бушменов в вельде ориентируются!

До темноты я успел дойти до летадлы и ещё раз наскоро осмотреть аппарат, убедившись в его ремонтпригодности. Частично разобрав двигатель для просушки, я решил было взять коленвал с собой, но...

... положил назад. Уши горели от дурного стыда, но – пусть! Если... снова это поганое слово... Так вот – если они всё же решили меня преследовать, то велик шанс, што они удовле-

творятся захваченным трофеем. Они же не знают, што я фактически без оружия и ранен, а значица – дураков нет, играть в партизанскую войнушку с боевитым мной!

А вот ежели поймут, што самая ценная часть трофея у меня, то... могут. Да, могут – бритты, они упёртые, заразы! Хоть на чувстве мстительности, хоть на патриотизме, хоть на желании орденов и званий, или к примеру – каких-то преференций по части промышленности. Это ж, помимо всего, и деньги. Деньжищи!

Да и чорт с ним! Жизнь дороже, да и деньги... жизнь дороже.

Внутри ворохнулось осуждение, мелькнули кадры каких-то фильмов и плакатов, и почему-то – всё больше про героических партизан и подпольщиков, которые героически, ценой собственной жизни...

– Э, нет! – вытряс из башки эту ересь, потому как одно дело – когда враг топчет родные поля, и совсем другое – так вот, в чужих краях приключаешься. С чего бы насмерть стоять-то?

Приметив себе место под ночлег, принялся за ремонт. Быстро сделав вместо стойки под шасси её дубоватое подобие, примерился как следует, но крепить не стал. Дело нехитрое, успеется.

Двигатель собирал уже при свете луны и ярких звёзд Южного полушария, усыпавших бархатное полотно ночи. Запустив, вслушивался некоторое время в его тихое урчанье, и не без сожалений заглушил.

В уши сразу врезалась свара гиен, растяжавшихся над тушею льва, и разом стало зябко. Захотелось забраться в кабину, показавшуюся вдруг такой уютной и безопасной...

– Кстати! – достав одну из свиристелок Кошчельного, привязал к бечеве и раскрутил. Звуки раздались такие гадские, что я ажно присел! Чутка подуспокоившись услышанным, проверил висевший на поясе топорик и зашлёпал по воде, давая широкую петлю в сторону ночлега.

Присмотренное мной место довольно таки близко от самолёта, в буреломном выворотне из нескольких старых деревьев, дикобразом растопырившихся в сотне метров выше и парой сотен левее по склону. То опираясь на копьё, как на посох, то опасливо тыкая им перед собой и готовясь к прыжку всяких хищных тварей, добрался таки до ночлега сильно за полночь.

Ёжась от ночного холода, застегнул реглан, натянул шлем и кое-как примостился среди корней, озабоченный не столько удобством, сколько возможными хищниками. Львиная шкура, пристроенная с грехом пополам под боком, делала мою лежку несколько более мягкой, но и значительно более вонючей.

Повозившись, смахнул ладонью с подгнившего корневища всякий сор с насекомыми, да и примостил голову. Спа-ать...

Разбудило меня лошадиное ржанье, и сна разом – как не бывало! Вжавшись в переплетенье корневищ и ветвей, с колотящимся сердцем выглянул в щёлочку и до боли стиснул зубы.

Давешняя компания, оцетинившись настороженно стволами, исследовала летадлу и место крушения.

– Ах ты ж... – прошептал я и тут же замолк, будто они могли услышать. Британцы чортовы! Вопреки всем писанным кровью правилам и самому здравому смыслу, они всю ночь шли, не жалея ни себя, ни лошадей.

Осторожно, двигаясь по сантиметру в минуты, достал футляр с биноклем и принялся рассматривать преследователей, преисполненный самых мрачных предчувствий. Лошадок... не ручаюсь, но кажется, побольше было, побольше... две притом хромают явственно. Гнали, значица? Стал быть, из идейных... или особо жадных и упёртых, што ни разу не слаще.

Лица усталые, но довольные... и кажется, мал-мала расслабились. Кто ж это такие?

Так... двое – явно из джентльменов с хорошими частными школами, очень уж лица и манеры специфические. Может, и не Итон за плечами, но немногим хуже. Насмотрелся на пленных, таких хоть раз увидишь, ни с кем не спутаешь. И кажется – родственники.

Не то отец с сыном, не то кузены, но явная родня. Долговязые, с лошадиными физиономиями и длинными хрящеватыми носами, нависшими над рыжевато-русыми усами. Старшему около пятидесяти, младшему под тридцать.

В моторе копается низкорослый коренастый крепыш с лицом, истрёпанным алкоголем и тяжёлой жизнью. Явственный технарь, притом как бы не из рабочих вышел – есть, знаете ли маркеры в поведении. У бриттов кастовость очень сильна, и у каждой касты превеликое множество отличий в поведении.

Следующий – слуга, судя по повадкам. Камергер? А... нет, камердинер наверное... один чорт, лакей! Рожа сытая, пусть прямо сейчас и осунувшаяся, и такая... прямо-таки родня с джентльменами! Ближняя притом. Но сразу видно – лакей, не спутаешь. С кем там ево матушка... впрочем, не всё ли равно?

Двигатель затарахтел, и технарь с довольной улыбкой раскланялся. Удостоверившись в работе двигателя, его заглушили, и механик со слугой принялись обустраивать лагерь.

Лакей довольно ловко расставил палатки и принялся за стряпню, в то время как джентльмены взялись обихаживать лошадей. Скинув выюки и сёдла, да обтерев слегка верховых, выделявшихся на фоне местных лошадок ростом и статью, они взялись осматривать ноги. Што ж, вполне себе дельные господа... к сожалению.

Повертевшись у костерка, механик взял топор, и направился...

... с-сука, ко мне он направился! Нашёл ближний свет, падла!

Вернулся...

... слава тебе... за винтовкой, сцука!

Закинув винтовку за спину и размахивая топором, он ещё раз остановился, сказав лакею несколько фраз, от которых сам же и заржал. Шаг за шагом, он пошёл... нет, ну точно ко мне!

Стараясь двигаться как можно более плавно, я змеиным движеньем накинул на себя львиную шкуру.

«— Я в домике» – вякнуло подсознание и заткнулось. Подтянув к себе копьё, я замер, старательно вжимаясь в переплетение древесины.

«— А колотит-то как...»

Шаги... остановившись возле меня, механик скинул винтовку с плеч, отчего у меня всё похолодело. А потом...

... аккурат перед моим лицом оказалась елда, и вонючая струя ударила в корни.

Копьё к себе...

... удар! Длинное лезвие вонзилось ссыкуну с солнечное сплетение, и обдирая руки и лицо, я рванулся вперёд, хватая его за ремень. На себя!

Привалившись вперёд, англичанин упёрся уже мёртвым телом в переплетение ветвей, завалившись немного вперёд и продолжая опорожнять мочевой пузырь... а теперь ещё и кишечник.

Винтовку... потянувшись вперёд и не отпуская мертвеца, подтянул с себе оружие за приклад. Сердце чуть не переломало рёбра, пока я втянул её к себе.

— Есть... вырвалось у меня непроизвольно, когда я проверил наличие патронов в «Ли-Энфилде», – вот теперь пошалим!

Ещё сильнее привалив мертвеца на себя, обшарил ему карманы, найдя ещё десяток патронов россыпью.

— Вот теперь поиграем... – приникаю к прицелу, и... выстрел! Старший из джентльменов падает, получив пулю в живот, а младший живо прячется за лошадью. Выстрел! Лошадь падает, начав биться в агонии, и всё моё крестьянское нутро восстаёт против такого поступка, но... прости, животное.

Выстрел! Джентльмен, метнувшийся было в сторону, снова залегает в ручье.

Пуля лакея попадает в уже мёртвого механика, и тот шумно заваливается вбок. Ещё одна, ещё... я шарахаюсь в сторону, но там только змеей проползает!

– А-а! – как есть в львиной вонючей шкуре, выметнулся вперёд из укрытия, ставшего ловушкой. И бегом, бегом... пригнувшись чуть не до четверенек, до ближайшего валуна метрах в двадцати ниже!

Обдирая тело, юзом проехался по земле, и прижав винтовку к плечу сразу после падения, выцеливаю лакея, вставшего почему-то испуганным сусликом. Грохочет выстрел, и тот падает, будто сломавшись. Жив? Жив... кажется, в бедро попал...

Передёрнув затвор, перестаю дышать и приникаю к прицелу... Выстрел! Молодой джентльмен, добежавший уже до оставленных у костра винтовок, падает с дырой посреди лица.

С лакеем чуть ли не полчаса вылёживали друг друга, играя на нервах. А потом – всё... потаившись ещё, я обполз поле боя по широкой дуге и приблизился сзади-сбоку, готовый в любой момент нажать на спусковой крючок или откатиться в сторону. Не понадобилось... кровью истёк слуга.

– Вот так вот, – сообщаю я зачем-то ему и с трудом нахожу силы встать. Хромая, обхожу убитых и собираю трофеи, без зазрения совести выворачивая карманы. Оружие документы, часы... деньги.

– Што с боем взято, то свято! – успокаиваю вякнущую было совесть. Не то штобы и действительно надобно, а просто – чистоплюйство какое-то! Не себе, так тем же переселенцам на пользу.

Не без труда собираю лошадей, причём четыре лошадки местной бурской породы так и не дались. Да и чорт с ними! Эти вполне без человека выживут, а мне они... так, на всякий случай – не знаю даже пока, зачем и собирал. На тот случай разве, што с летадлой ничего не выйдет? Разве што...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.